

**Непрошенные, или
Дом, с которым мне
"жутко" повезло**

**книга вторая
жизнь
продолжается?**

олег колтыков

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Колмаков

**Непрошенные, или Дом,
с которым мне «жутко»
повезло. Книга вторая.
Жизнь продолжается?**

«Автор»

2018

Колмаков О.

Непрошенные, или Дом, с которым мне «жутко» повезло.
Книга вторая. Жизнь продолжается? / О. Колмаков — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-06744-8

Продолжение романа. События романа переносят читателя в эпоху девяностых годов прошлого тысячелетия. Главный герой, тридцатипятилетний бизнесмен, владеет мастерской по ремонту оборудования. В прошлом он служил по контракту в горячей точке. Олег удачно обменивает свою малосемейку на двухкомнатную квартиру. При этом он вовсе не подозревает, что вышеозначенная сделка была затеяна лидером организованной преступной группировки. Олега втянули в криминальную игру, связанную с убийством директора завода. Лидер ОПГ не учёл лишь одного обстоятельства. В нагрузку к своей новой квартире главный герой получает ещё и случайно-образовавшийся переход в иной мир... События развиваются с головокружительной скоростью, динамично сменяя один эпизод другим. Преодолевая невозможное, вступая в схватку со сверхъестественным, главный герой находит свою «вторую половину», обретает жизненную цель... А, быть может, полностью запутывается в своих внутренних душевных противоречиях. В общем, это нужно читать.

ISBN 978-5-532-06744-8

© Колмаков О., 2018

© Автор, 2018

Олег Колмаков

Непрошеные, или Дом, с которым мне «жутко» повезло.

Книга вторая. Жизнь продолжается?

Глава 1

Примерно за неделю до начала празднования Нового Года в мою дверь позвонили.

Признаться, я был удивлён, увидев на пороге неожиданных гостей. На лестничной площадке стоял Илья, уже известный мне браток из бригады Мамонта, и совершенно незнакомая мне смазливая деваха.

– Привет! Решил заскочить к тебе, как к старому знакомому с конкретным коммерческим предложением. Не желаешь поразвлечься? – сходу предложил мне Илья.

– В каком это смысле «поразвлечься»? – ответил я вопросом на вопрос.

Подозревая Илью в том, что ему просто-напросто негде перепахнуться со случайной подругой, я, уж было собрался дать ему от ворот поворот.

– Хочу предложить тебе на ночь «послушную девочку». Причём, за вполне умеренную цену. Можешь считать, что ты попал на новогоднюю распродажу!

– Вот уж о чём я никогда бы не подумал, так это о том, что ты ещё и подрабатываешь сутенёрством? – усмехнулся я в ответ.

– Пойми, тут вот какое дело!.. Случай весьма исключительный!.. – несколько сконфуженно продолжил Илья. – ...Эта сучка задолжала нам приличную сумму, а расплачиваться ей, якобы, нечем. Считает себя элитной проституткой и на рабоче-крестьянскую панель ей идти, видите ли, впадлу. Потому и пристраиваю я её каждую ночь, за пять сотен, по друзьям и знакомым. Признаться, я на бензин больше трачу, чем мы что-то имеем с данного паскудного бизнеса. Но тут дело принципа. Должна, так будь добра, рассчитайся. А иначе... Одной твари спустишь; другой простишь, и кранты нашему былому авторитету...

– А она сама?.. – поинтересовался я у Ильи, будто речь шла вовсе не о живом человеке, а о некоем неодушевлённом предмете, беспричинно доставленного по моему адресу.

– Да кто б её, тварь, спрашивал! Будет дерзить или там кочевряжиться, ты её сразу за дверь. В зачёт долга эта ночь ей уже не прокатит!.. – браток обернулся к «должнице» и громко добавил. – ...Оля у нас девочка умная и сама должна понимать, что если приличные клиенты у дяди Ильи закончатся, ей придется погашать свой долг со всяческой подзаборной мразью!.. С отморозками; извращениями; да похотливыми и безбашенными малолетками! Короче, проблем у тебя с ней, точно, не будет. Ведь так, сука? – гаркнул он ей в самое ухо.

«Ночная бабочка» утвердительно закивала, и я протянул Илье, требуемую пятисот рублёвую купюру.

Если сейчас скажу о том, что мне её стало просто жаль, дескать, вляпалась девочка по своей дурусти в какое-то дерьмо, а эти злыдни решили поизмываться над беззащитным созданием – то вряд ли, кто-то из вас мне поверит. И, в общем-то, вы будете правы. Некая жалость, конечно же, во мне присутствовала, однако в гораздо большей степени меня заинтересовала ни к чему не обязывающая перспектива провести предстоящую ночь не в «обнимку» с телевизором, а с субъектом противоположного пола. Потому, собственно, я и расстался с деньгами с лёгким сердцем.

– Ну, подруга!.. Давай, что ли, рассказывай: где и в чем ты так проштрафилась? – поинтересовался я, оставшись с проституткой наедине.

– О, Господи!.. Ещё один благодетель вдруг выискался!.. – тяжело вздохнула гостья. – ...Тебе-то, жеребец, какая разница? Заплатил за дешёвый перепихон, вот и получай удовольствие молча! Корчить из себя святошу вовсе не обязательно. К чему лезть в душу со своими тупыми расспросами? Лучше показывай: где у тебя тут ванная комната? Мне с дороги необходимо принять душ. И кстати, я забыла предупредить тебя ещё вот о чём!.. – тон её речи, из тихо-пищащего, вдруг превратился едва ли не в командно-приказной. – ...На всякое там садомазо и прочие извращения я вовсе не подписывалась. За твои вшивые пять сотен, слишком жирно выйдет!

– Ванная комната прямо по коридору, первая дверь направо! – ответил я, не сдвинувшись с места.

– Понятно! Безумно рада тому, что ты меня проводил и показал! – язвительно ответила девушка, спешно покидая зал.

«Не хрен баловать этих залётных пташек!.. – раздражённо рассуждал я, пока проститутка уединялась в ванной комнате. – ...Ни тебе здарсьте... Ни посидим, ни поболтаем... Не успела, понимаешь, войти, а уже тысяча условий. Будто похож я на некоего садиста-извращенца, а квартира моя выглядит сродни гестаповским застенкам.

А ведь я изначально собирался быть с ней крайне тактичным, подумывал открыть шампанское... Впрочем, чего ещё можно ожидать от обычной проститутки? Девочка на работе. Для неё это обычный трудовой вечер; тогда как я, очередной её клиент. Ведь ты купил её тело, а вовсе не её душу. Вот и пользуйся им согласно действующим расценкам!..»

Пока создавал в комнате скромный интимчик, краем уха слышал, как деваха вошла в ванную комнату; как закрыла за собой дверь. Как напевая что-то весёлое, она включила воду. И, буквально через мгновение, из квартирному коридору вдруг раздался истеричный женский визг.

Орала проститутка. Причём, вопила она буквально, как резаная. С каким-то особым, сверхвысокочастотным звоном. Я тотчас метнулся на тот дикий крик и застал жрицу любви, сидевшей в ванне на корточках. Оби её руки были зажаты между ног. Она беспрерывно стонала.

– Что, чёрт побери, здесь происходит? – выкрикнул я, вовсе не понимая смысла её истеричного вопля.

– Кипяток!.. Это был раскалённый кипяток!.. Он пошёл прямо из душа!.. Пошёл внезапно. Обварила, мля, всю промежность!.. – «ночная бабочка» кое-как сумела выдавить из себя невнятные объяснения. – ...Краны бы свои починил, прежде чем в гости кого-то звать. Хотела побыстрее... Переключила воду на душ, а оттуда сплошной вар!.. Да ещё и под мощным напором, будто бы вентиль вырвало!..

– Уж и не знаю, что могло случиться!.. – в полном недоумении я попытался открыть воду, дабы лично убедиться в правоте барышни. – ...Сантехника, вроде бы, ещё новая!..

– Нет! – увидев, как я потянулся к смесителю, вновь неистово заорала проститутка и, как ошпаренная она тотчас сиганула из ванной. А, впрочем, почему: «как»? Ведь она, действительно, была нынче ошпаренной.

– Дайка посмотреть, что там у тебя!.. – имея кое-какой боевой опыт, мне неоднократно приходилось сталкиваться со всевозможными формами ранений, открытых ран, в том числе и ожогов. Частенько мне приходилось оказывать пострадавшим самую первую помощь.

– Да пошёл ты, озабоченный извращенец!.. – выкрикнула проститутка. Надо полагать, она не совсем правильно меня поняла. Медленно проковыляв в комнату, дама лёгкого поведения добавила. – ...Короче, пипец!.. По техническим причинам намеченное мероприятие придется отложить на неопределённый срок. Можешь звонить Илье и докладывать, дескать, я тебе отказала. Требуй возврат денег. А мне бы, дай-то Бог, до дому как-нибудь доползти.

– Одевайся! Никому звонить я не стану!

Проводив проститутку до входной двери, я тотчас вернулся к своим злополучным крапам. Покрутил их и так, и сяк... Убедившись в том, что сантехника работает просто превосходно, без каких-либо сбоев, невольно усмехнулся.

«Ловко ж развела меня эта парочка! На пять сотен!.. – я был абсолютно уверен в том, что буквально за углом соседнего дома проститутку поджидала машина Ильи, дабы отправиться с «гейшей-подставой» к очередному лоху-клиенту. – ...Интересно, сколько же бабок они успеют накопить за сегодняшний вечер? Пять-шесть таких же, как я простофиль, вдруг позарившихся на дешёвку или купившихся на ту же жалость. Вот вам и три «штуки» на карман. В общем, не плохой приварок к Новому Году, для пары часов плевой работёнки.

Что ж за напасть такая?.. Что за чёрная полоса?.. Вначале шарлатан-экстрасенс уносит с собой шесть штук. Теперь бандит со своей шмарой... То ли я, несколько расслабился; то ли они, в конце обнаглели!..»

В своё любимое кресло я вновь погрузился исключительно озлобленным и предельно раздражённым. Обидным был даже не тот факт, что я обломался с ночными утками. В гораздо большей степени удручало то обстоятельство, что кинули меня буквально на ровном месте. При помощи дешёвого трюка, они и выманили из меня кровно заработанную «копейку». Точнее, я сам взял, да и отдал свои деньги за здорово живёшь.

– Так, этой сучке и надо! – мне как будто послышался женский голос. Причём, голос тот показался мне отчасти знакомым.

– Кто здесь? – я инстинктивно завертел головой в поисках посторонней.

– Да ты с перепугу, похоже, реально обосрался!.. – усмехнулся всё тот же голос. – ... Совсем что ли не ожидал, кого-то здесь услышать?

Теперь у меня не осталось и доли сомнений в том, что этот голос принадлежал Надьевисильнице. То есть, существу из потустороннего мира, с коим я имел честь познакомиться пару-тройку недель назад.

– Ты как здесь оказалась?.. – мне вовсе не было смысла скрывать своей радости. – ... Не уж-то, вы вновь расковыряли свою «нору»?

– К твоему сведению, эта самая «нора», вовсе никуда не исчезала! Как была она здесь, так здесь же и осталась!

– В таком случае, почему в гости не заходите? – я аккуратно принялся прощупывать почву, чтобы после расспросить уже и о Марте.

– Наше время, ещё не пришло! Через пару дней, когда на ночном небе появится полная луна, вот тогда жди нас вновь!

– Теперь понятно, в чем тут дело!.. – до меня наконец-то дошло, почему пропали призраки. Полнолуние. И как я об этом сразу не подумал. – ...Получается, что именно луна затягивает вас в наш мир?

– Какое-либо притяжение тут вовсе не причём! Просто луна это мощный источник внеземной энергии, без которой нам просто никак.

– В таком случае, почему ты все ещё здесь? Почему не со всеми?

– Увы, но я самоубийца. Потому я и не здесь, не у вас... Как и не там, на противоположной стороне «перехода». Я в нём самом. Нельзя мне: ни туды, ни сюды!.. По той же самой причине я и не материализуюсь, экономлю свою энергетику, накопленную ещё с прошлого месяца.

– И чем же ты занимаешься? Поди, скукотища, сидеть круглые сутки меж двух миров?

– Во все нет! Я смотрю телевизор, узнаю ваши последние новости. Переживаю за героев любимых сериалов. Вот только жаль, что ты вовсе не любишь «мыльные оперы». Потому и приходится мне пользоваться телевизором исключительно в дневное время, то есть, в твое отсутствие.

– Хочешь сказать, что ты непрерывно наблюдаешь за моей квартирой? В том числе и за мной? – во мне вдруг проснулось дикое негодование.

– Да на фиг, ты бы мне сдался! Было бы ещё чё интересное... А то пришёл с работы и сразу прыг в кресло. Пиво, водка, коньяк, какие-то боевики, да бестолковый трёп по телефону. Вот, собственно, и вся твоя личная жизнь!

– Отчего ж так мрачно и примитивно?.. – возмутился я. – ...Ко мне, между прочим, и друзья, и знакомые девушки иногда заглядывают. Да, и проститутки. Кстати!.. – припомнив недавние события, я тотчас спохватился. – ...Не ты ли окатила её кипятком?

– Я посчитала так!.. Нечего этой прошмантовке здесь делать! Если хочешь, то во мне выиграла женская солидарность!.. Не забывай о том, что Марта мне, все ещё подруга. Ты б лучше поблагодарил меня...

– Интересно, за что? За какие такие, почести и заслуги?.. – только теперь мне и стало понятно, что дело было вовсе не в неисправной сантехнике. А так же о том, что никакая машина, вышедшую из моей квартиры проститутку вовсе не поджидала.

– Роббер, ведь ты даже не подозреваешь, чем могла «наградить» тебя та панельная тварь! Ты к ней с шампанским, с романтиком!.. А она, между прочим, припёрлась сюда с целым «букетом» кожвензаболеваний!

– Ну, конечно! Сейчас можно насочинять все, что угодно!.. – возразил я, подозревая собеседницу в откровенной лжи. – ...Стал бы «подставлять» меня Илья!

– Это ты, о том бандите?.. – в голосе Надьки послышались нотки некой обиды. – ...Он тебе кто? Друг, брат, сват? С какой стати ты взялся его оправдывать, при этом вовсе не веришь мне?

– К вам, пришельцам из мира мёртвых, у меня, уж точно, нет никакого доверия! И, похоже, никогда уже не будет! – усмехнулся я, припомнив совсем недавнее события, когда меня выбросили из окна моего же собственного дома.

– Зря ты, так!.. Я, конечно, не знаю в чем конкретно, но этот Илья, за которого ты готов стоять горой... Уж поверь мне на слово, очень скоро подведёт тебя по-крупному.

– Постой-постой!.. – пропустив мимо своих ушей последнее предупреждение, я вдруг вспомнил и ещё кое о чем. – ...Не ты ли, три тысячи у экстрасенса умыкнула?

– А то, кто же!.. – с хитрецей и некой гордостью за свой смелый поступок усмехнулось привидение. – ...По неосторожности он пиджачок-то свой здесь, в комнате и оставил... И кстати, не «умыкнула», как ты только что выразился. Что за воровской жаргон? Я сохранила твои кровно заработанные. Под коврик их припрятала. Эдакие деньги за маскарад и обыкновенную туфту, даже в самом престижном цирке не платят!

– Не уж-то бородач и в правду проходимец?

– Ну!.. Кое-какими способностями он, бесспорно обладает!.. – призналась Надька. – ...И, пожалуй, за его усердие пару червонцев на обратную дорогу ему можно было оставить. Но, увы, мелочи в моих карманах на тот момент вовсе не нашлось. И вообще... Ты живёшь в чужом доме, потому и придержи свои обвинения в адрес реальных хозяев!..

– А вот мы сейчас посмотрим: кто из нас настоящий хозяин! – предупредив, я взял со стола пульт и отключил телевизор.

Сделал я это в тот самый момент, когда по «ящику» начиналась программа новостей. Однако не прошло и пары секунд, как тёмный экран телевизора вновь засверкал всеми цветами радуги. Каким-то невероятным образом ей удалось включить его вновь.

Недолго думая, я встал и выдернул сетевую вилку телевизора из розетки. В комнате вновь воцарилась тишина. Обратная манипуляция с вилкой и розеткой, похоже, была приведению уже не доступна.

– Ну? Теперь-то ты поняла: кто в этом доме я, и кто ты? – удовлетворённо потирая руки, я прошёлся по комнате.

– Не спеши радоваться! Спор ещё вовсе не окончен! – зло ответила мне Надька.

Тут же стены моей квартиры тревожно загудели и завибрировали мелкой дрожью. С полок посыпались книги и иные мелкие предметы. Вдребезги разбилась, упавшая на пол стеклянная ваза. Вибрация нарастала с каждой секундой, а невыносимый гул уже на живую принялся резать мои барабанные перепонки. Я терпел до тех пор, пока мебель и крупная бытовая техника (ну, там музыкальный центр, шкаф, стол и тот же телевизор) не заходили ходуном. В любое мгновение они были готовы, опрокинутся навзничь.

– Стой, прекрати! Я сдаюсь! – заорал я в полном отчаянии.

– Надеюсь, теперь тебе понятна разница между определениями «владелец» и «хозяин»?.. – с наступлением тишины и покоя победоносно объявил призрак Надьки. – ... Ты, кстати, вовремя меня остановил. Иначе, я переколотила бы тебе тут все, что только могло быть разбито.

– Не спорю!.. – мне ничего не оставалось, кроме как поспешить со своим согласием. – ... Ты только объясни мне одну штуку. Если ты не можешь сделать самое элементарное... Имею в виду, воткнуть штепсель в розетку. Тогда каким образом тебе удалось перекрыть холодную воду в ванной?

– А к чему мне было её перекрывать? Гораздо проще было нагреть до кипения трубы с холодной водой. Тут все дело в свободной энергетике. Кстати, Каземировна, жившая здесь ещё до тебя, уж точно, знала в этом толк. Ты только представь, каких невероятных трудов ей стоило приложить, дабы аккумулировать в единое целое, весь тот «энергетический мусор», который свободно болтался по здешней округе. Прибавив к полученной субстанции ещё и энергию взрыва, она и умудрилась пробить тоннель в иное пространство.

Бывает, конечно, и так, когда подобные «дыры» образуются в той или иной части вашей планеты, как бы самопроизвольно. Происходит данное явление, когда общий потенциал положительных и отрицательных энергий достигает своей критической отметки. На пример, когда ситуация на Земле, в какой-то конкретной её части, крайне близка к предвоенной... Однако данные события относятся к естественным процессам, как результат усилий миллионов и миллиардов людей. Их негативных эмоций, помноженных на исключительную агрессию и неприятие!.. Но чтоб один человек был в состоянии создать, пусть и искусственную, а все же столь глобальную аномалию!.. Это редчайшее исключение, в незыблемых правилах мироздания.

– И как долго данный переход будет здесь существовать?

– Не известно. Как я ранее уже упоминала, создан он был искусственно, потому и энергетика у него своя. То есть, он живёт своей жизнью. Быть может, переход будет открыт ещё пару месяцев... Возможно, пару лет... Впрочем, имеются примеры существования и сверх продолжительных коридоров. Так, в одна тысяча сто восемнадцатом году, открывшийся на территории нынешней Франции, подобный этому переход, просуществовал без малого полтора века!

– Постой-постой!.. – я встрепенулся. – ... Одна тысяча сто восемнадцатый год!.. Ведь это время, кажется, связано с орденом тамплиеров?

– Я не имею права говорить с тобой о той эпохе! – мгновенно отрезала Надька.

– Да, ладно тебе! Коль Марта и впрямь твоя подруга, можешь смело доложить ей о том, что я вспомнил все, о чем она ранее меня просила! Пора бы вам уже и снять гриф секретности с крестовых походов и разговорах о рыцарях Храма!

– Не далее, чем послезавтра ты сможешь сообщить ей об этом лично!

– Если я правильно тебя понял, то поболтать на данную тему ты вовсе не желаешь?

– Ты правильно меня понял! – хихикнуло привидение.

– В таком случае!.. Может, расскажешь мне на сон грядущий какова жизнь на той стороне «тоннеля». Ну, а в знак своей благодарности, уж так и быть, я включу тебе телевизор.

– Рассказать-то я, конечно, смогу!.. Вот только сможешь ли ты меня при этом понять.

– Вроде, не debil! Кое в чем разбираюсь! – возмутился я.

– Речь сейчас идёт вовсе не о твоих умственных способностях. Я об ином. О том, что люди привыкли жить в трёхмерном мире. Потому и невозможно вам представить четвёртое или пятое и, уж тем более, шестое измерение. Как бы получше!.. То есть, по нагляднее тебе это объяснить?.. – Надька на некоторое время задумалась, после чего продолжила. – ...Представь себе муравья или иное насекомое. Так вот. Эти твари знакомы лишь с двухмерным пространством. Муравей может ползти либо вперёд-назад, либо вправо-влево. Даже когда он лезет вверх по дереву, для него это все тоже движение вперёд. С третьим, привычным уже для вас измерением, он столкнётся лишь тогда, когда свалиться с дерева, на которое ранее взобрался.

Однако и в том кратковременном полёте муравей не успеет ни понять, ни оценить ту неизведанную ему параллель. Тогда как приземлившись, он вновь будет тыкаться вперёд-назад, вправо-влево – пока не найдёт своих и не сольётся с ними в один общий поток.

Вот и ты, выброшенный однажды из окна своей квартиры и оказавшись на ночной дороге, словно вышеозначенное насекомое, ничего не понял уже в новом для тебя четвёртом измерении. Встал, отряхнулся, поговорил с такими же, как и ты, «трёхмерными» и вновь отправился восвояси. Так же, как и наш муравей, ты снова пополз всё на то же самое «дерево».

– Сейчас мне понятно лишь то, что ни черта не понятно!.. – вздохнув, подытожил я. – ...Ну, а жизнь после смерти? Какая она? Что ждёт меня там?

– Рождение и смерть, эти понятия крайне относительны! То, что здесь считается полным концом, там будет лишь началом. Могу сказать ещё и о том, что там, тебя ждёт твой, по-настоящему близкий тебе мир. Плохим он тебе покажется или хорошим, выбирать не приходится.

– То есть, меня ждёт не самый лучший, из возможных вариантов! Я правильно тебя понял?

– Быть может и не самый лучший. Однако он будет весьма и весьма далёк от вашего земного понятия: «худших»!.. – поспешило уточнить привидение. – ...В принципе, у тебя была возможность изменить свою сущность. Подкорректировать свой, что ли, рок. Ведь долгие века над тобой не довели родительские требования и нравоучения. В большей степени ты был предоставлен самому себе и сам был волен определять свою дальнейшую судьбу. И, тем не менее... Ты вновь пошёл по уже протоптанной прошлыми жизнями дорожке. То есть, ты снова выбрал путь воина!

– Да какой, к чёрту, из меня воин?.. – возмутился я. – ...Всего лишь несколько лет службы, о которых я почти уже забыл. Да, ты сама взгляни: я уж давно мирный житель. Руководитель своего предприятия.

– Роббер, ты можешь быть кем угодно! Однако определяющими будут именно те годы, о которых ты, якобы, уже забыл. Не обманывай самого себя, подобное не забывается! Данные воспоминания будут будоражить твой разум на протяжении всей жизни. Да, и где гарантия того, что в последствие ты вновь не вернёшься к военному ремеслу?

– Ладно! Похоже, загрузила ты меня основательно!.. – зевнул я во весь рот. – ...Пищи для размышлений у меня теперь предостаточно. Пора немного и отдохнуть. Уже завтра, я вновь пристану к тебе с новыми расспросами!..

– Валяй, расспрашивай! Делать мне, все одно, нечего!

Глава 2

«В 1127 году начинается второй, очень важный этап в истории ордена рыцарей Храма. Гуго де Пайен с несколькими своими соратниками из числа тех же девяти, выезжает из Палестины в Европу. Де Пайен не скрывает того, что главная цель его поездки – вербовка новых членов в состав ордена. Чем вызваны столь радикальные перемены: от чрезвычайной закрытости ордена, до стремления к его максимальной массовости, остаётся загадкой. Бытует мнение, будто бы, в последние девять лет, проведённых в Святой Земле, тамплиеры,

кроме своей основной миссии, защиты паломников к Гробу Господню, ещё и вели в тех краях усиленный поиск каких-то мистических реликвий, якобы позволяющих установить господство и иметь власть над всем миром...

Нашли они те раритеты или нет, и вообще занимались ли их поисками изначально – нам не известно. Но то, что в храмовники вступают десятками, а орден в тот год стремительно растёт, словно на дрожжах, и не только количественно, остаётся неоспоримым фактом. Обет бедности понуждает свежееиспечённых членов братства передавать всё своё имущество во владение ордену.

Организация храмовников начинает быстро богатеть, и когда в 1130 году, всего через два года после собора в Труа, на котором сам Папа признал и поддержал Орден, Гуго де Пайен, посчитав свою миссию выполненной, уезжает вновь в Палестину. Его отъезд из Европы отличен от приезда, как небо от земли. В 1127 году он, никому не известный возжак группы монахов-раскольников. Спустя три года – великий магистр могущественного духовно-рыцарского союза, обладающего в Европе сотнями крупных феодальных владений, целой сетью командорств и немалыми денежными средствами...

В 1131 (по другим данным, в 1133 или 1136) году основатель и великий магистр тамплиеров Гуго де Пайен умирает. Его смерть, как и движение тамплиеров в целом, сокрыты покровом тайны, потому-то и неизвестна не только её точная дата, но даже её год, она разнится в пятилетнем периоде!.. Этот фанатичный католик и, в то же время рыцарь без страха и упрёка, не умирает, а скорее уходит из жизни с сознанием хорошо исполненного долга.

Орден рыцарей Храма живет и процветает, дело его жизни передано в надёжные руки преемника Роббера де Краона, а на престол королевства Иерусалимского в те же годы восходит бывший тамплиер Фульк Анжуйский. «Бедные рыцари Христа Храма Соломона» всего за несколько лет превратились в мощную силу, с которой вынуждены считаться и владетельные сеньоры, и даже короли...»

В череде зимних декабрьских будней, этот грядущий день обещал быть самым обычным и непримечательным. Не ждал я от него ни перемен, ни грандиозных событий, ни интересных встреч, ни каких-либо иных сюрпризов или подарков. Подобные дни забываются, как правило, уже через сутки.

Вполне возможно, что некие внутренние механизмы саморегуляции человеческого организма и предоставляют нам эти скучные, тяготящие и невыразительные временные отрезки, для выполнения неких кропотливых и рутинных работ, не требующих излишней суеты и спешки. Для меня ж таковой «каторгой», безусловно, являлась подготовка и проверка годового финансового отчёта. Именно этой бумажной работой я и вознамерился нынче заняться. Тем более что сроки, как и приближающиеся новогодние праздники, основательно поджимали и уж были готовы загнать меня в угол рабочих вечеров и бессонных ночей над кипой цифр и расчётов.

Проснувшись, я как обычно включил телевизор.

«Уважаемые телезрители! В нашей программе произошли некоторые изменения. Вашему вниманию будет предложен экстренный выпуск омских новостей!.. – и хотя теледиктор старался читать свой текст безучастно, тем не менее, в его голосе непроизвольно улавливалась вибрации некой тревоги. – ...Сегодня утром, в нашем городе было совершено дерзкое убийство внешнего управляющего...»

Не дослушав то самое экстренное сообщение, я переключил телевизор на музыкальный канал. Под весёлую мелодию было проще распрощаться с утренней сонливостью и зевотой.

– Немедленно верни мне «новости»!.. – услышал я голос, прижившегося в моей квартире привидения. По крайней мере, со вчерашнего дня оно обитало здесь, сродни домашнему животному наподобие кошки или собаки.

– Надька, не отвлекай! Дай мне хотя бы пол часика, чтоб собраться, прийти в себя и ничего не забыть. Вот уйду на работу, тогда и смотри свой криминал.

– Ну, хорошо!.. – пробурчала та. Пусть и со скрипом, а все же призрак был вынужден принять моё требование. – ...Да только и ты, будь другом, поторопись! Уж больно мне хочется узнать, что же такого экстренного произошло в вашем городе минувшей ночью.

– Что-что!.. Будто сама не догадываешься. Наверняка, очередная заказуха. Опять грохнули какого-нибудь чиновника или нувориша. Одним словом: бандита. Либо бывшего, либо нынешнего. Все, твари, никак не могут «попилить» меж собой десятилетиями накопленные народные богатства. Мочат друг друга и мочат. Уж лет двадцать, как рвут на куски общее одеяло и все никак не могут уgomониться. Порядком надоела мне вся эта чернуха. Будто бы не новости смотришь, а сводку боевых действий с передовой слушаешь...

На самом пороге офиса меня отчего-то встретила секретарь Лена. Подобного «гостеприимства», я что-то ранее за ней не замечал.

– Олег Владимирович, вас ожидают!.. – сухо и предельно отрешённо объявила она, чего никак нельзя было сказать о её невербальном поведении. Всей своей мимикой и настойчивыми жестами рук, указывающими мне: то на мой кабинет, то на входную дверь, Елена пыталась сообщить или предупредить меня о чем-то очень важном. Вот только я, балбес, так ни черта и не понял. Потому и приложенные секретаршей сверх усилия оказались абсолютно бесполезны.

– Если не ошибаюсь, к нам соизволил пожаловать сам пан директор!.. – навстречу мне (причём, из моего же собственного кабинета) вдруг вышел взъерошенный, небритый и не совсем опрятный мужчина. Его приспущенный галстук обнажал не первой свежести ворот, некогда белой рубахи. По возрасту он был старше меня лет на десять. – ...Извольте опаздывать, Олег Владимирович! А впрочем, извиняюсь!.. Слегка погорячился. Ведь начальство не опаздывает, оно задерживается!

– С кем имею честь?.. – я требовательно глянул на кривлявшегося передо мной незнакомца.

– Вновь извиняюсь! Старший оперуполномоченный «убойного» отдела, майор Сирота! – для пущей убедительности он ткнул мне в лицо своё служебное удостоверение.

– И по какому, собственно говоря, поводу ваш визит? – задал я вполне резонный вопрос.

– Быть может, для начала мы пройдем в ваш рабочий кабинет? Именно там, мы и побеседуем. Как-то не совсем неудобно начинать серьёзный разговор при ваших подчинённых!.. – майор тотчас бросил свой презрительный взгляд на моего секретаря. На данную минуту Елена была отчего-то бледна и, вообще, выглядела чрезвычайно перепуганной.

Проследовав в свой кабинет, я обнаружил в нём ещё троих неизвестных мне мужчин. Меня шокировало и вместе с тем крайне возмутило то обстоятельство, что данная троица, без всякого зазрения совести, ну, просто как у себя дома рылась в моих ящиках и документах.

О том, что наш город в воровском мире считался «красным» (то есть, и официальная, и негласная власть в нём непременно оставалась за «ментами»), а так же о вседозволенности местных стражей порядка я был, безусловно, наслышан. И, тем не менее, с данным беспределом, лицом к лицу я встретился, пожалуй, впервые.

– Не понял! По какому праву сей обыск? – с трудом и едва сдерживая гнев, я едва нашёл в себе силы для вопроса в более и менее спокойной тональности. После чего, вдруг осёкся...

«А что если у них, действительно, найдётся соответствующая санкция, которую я, собственно, ни разу в глаза не видел. Но на каком основании?.. В чём, вообще, они могут меня обвинить?»

– Это мы, гавнюк, будем задавать тебе свои вопросы!.. – прикрыв за моей спиной дверь, Сирота махом перевоплотился из заискивающего простачка, в откровенное хамло. – ... Твое же собачье дело, на них быстро отвечать! Ну, и тихо сопеть в две дырки!..

– Итак, сучара? Чего ты можешь нам пояснить по поводу сегодняшнего убийства?.. – из-за стола вдруг поднялся здоровенный мужик. Своей уродливой харей, он скорее напоминал мне вышибалу из заштатного пивного бара, нежели сотрудника милиции.

– О каком убийстве идёт речь? – в своём вопросе я был абсолютно искренен. Мне оставалось лишь сожалеть о том, что не прислушался я утром к Надькиным просьбам, и не посмотрел тот злополучный экстренный выпуск. Хотя бы знал тему нынешнего разговора. Впрочем, утренняя криминальная хроника могла и вовсе не иметь никакого отношения к захватившим мой служебный кабинет ментам.

Если ж быть абсолютно честным, то своим, едва ли не спинным мозгом я уж начал потихоньку понимать, что, похоже, мне «посчастливилось» влипнуть в некую, весьма сомнительную историю. Правда, пока я не имел ни малейшего представления, каким-таким боком имею к ней хоть какое-то отношение.

– Ребята, и что я вам давеча говорил?.. – меж тем, зло усмехнулся здоровяк. – ... Помните, я предупреждал вас о том, что он пойдёт в полный «отказ»? Вот вам и пожалуйте: включил дурака!.. Весь город уже в курсе; во всех новостях, по сотни раз успели сообщить... Причём, сообщить в самых мельчайших подробностях... А этот хрен, видите ли, ни ухом, ни рылом! Парень, ты чё, с другой планеты к нам прилетел? В общем, с этим долболётом мне все ясно. Колоть его нужно, и как можно быстрее.

– Жорик, только не здесь, не в его офисе!.. – очевидно заметив, как «вышибала» принялся потирать свои мясистые кулаки в предвкушении расправы, Сирота поспешил встать между ним и мной. – ... Лишние глаза и уши нам вовсе ни к чему. Вот вернёмся в управу, там и вытрясем из этой паскуды всю душу.

– Э, мужики, вы это сейчас о ком? – я был в полном недоумении.

Вместо ответа один из сотрудников «убойного отдела» вдруг развернул в мою сторону экран включённого в кабинете телевизора и прибавил при этом звук.

– Смотри, ушлёпок!

«...Итак, уважаемые телезрители! Мы вновь возвращаемся к убийству внешнего управляющего Омского Тракторного завода!.. – чёткая и отрывистая дикция ведущего одного из центральных каналов свидетельствовала о том, что произошло ЧП отнюдь не городского, а, пожалуй, областного, если не всероссийского масштаба. – ... На связи со студией наш собственный корреспондент Иван Серов. В данную минуту он находится на месте утренних трагических событий. Иван, вам слово.

– Спасибо, Пётр. Для тех, кто совсем недавно присоединился к нашему эфиру, хотелось бы напомнить о том, что сегодня, около шести часов утра по омскому времени, на проходной Западносибирского Тракторного завода был убит Глухов Артём Николаевич, исполняющий обязанности генерального директора данного предприятия.

На эту минуту следствие отрабатывает лишь одну версию. Заказное и преднамеренное убийство. Уже известно, что «киллер» произвёл семь выстрелов, пять из которых достигли своей цели. Тщательно подобранное и замаскированное логово убийцы, находилось в жилом доме напротив заводской проходной...»

Неотрывно вглядываясь и вслушиваясь в телевизионный репортаж, меня вдруг прошиб холодный пот. Потому как на экране телевизора появилась моя бывшая «малосемейка». Более того, объектив телекамеры уперся в крупный план нескольких окон на шестом и седьмом эта-

жах. Причём, одно из них с разбитыми стёклами, имело самое прямое отношение к моему прежнему жилищу. В общем, это было окно моей бывшей квартиры.

Ну, а следующие слова корреспондента, так и вовсе повергли меня в дичайший ужас.

«В совершении данного тяжкого преступления, правоохранительными органами подозревается и разыскивается некто Кузнецов Олег Владимирович, одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения!..»

Речь (как вы, наверняка, и сами поняли) шла именно обо мне. Признаться к такому неожиданному повороту, я оказался абсолютно не готов.

– Да вы с ума, что ли сошли?.. – выкрикнул я. – ...Какое на хрен убийство? Какой, к чёрту, розыск? Я вовсе не думал скрываться!

– В общем, так! Сейчас ты поедешь с нами!.. – засобирился Сирота. – ...По дороге постарайся придумать что-то более вразумительное в своё оправдание. И, кроме того, пораскинь своими куриными мозгами, по поводу найденной в твоей квартире снайперской винтовки, с твоими же отпечатками пальцев...

– Послушайте!.. – усмехнулся я. – ...Эта квартира уже вовсе не моя. Прошло больше месяца, как я её продал. Точнее, обменял. Да, вы взгляните на мою нынешнюю прописку. Улица Вокзальная, дом два, квартира тринадцать!

– Ребята, вы это слышали? Он свою квартиру, видите ли, продал?.. – майор вдруг заржал во всю свою глотку. А после, развернувшись в мою сторону ещё и добавил. – ...Парень, быть может, ты её и продал!.. Вот только никто её так и не купил!

– То есть?

– А то, и есть! На данную минуту мы имеем лишь один договор купли-продажи, связанный с вышеозначенной квартирой. Датирован он пятым февраля две тысячи третьим годом, согласно которому малосемейная квартира, как числилась за тобой, так и по сей день является именно твоей собственностью. Парень, ты чё? За полных дятлов нас принимаешь? Мне, вообще, интересно!.. Какой debil и, главное, с какого перепоя додумается обменять полнометражную «двушку», на малосемейку с окраины?

Принять столь подлый и внезапный удар судьбы, оказалось весьма и весьма сложно. Тем более что пришёлся он ни куда-нибудь, а в аккурат, ниже пояса.

«Так вот, оказывается, в чём заключался подвох! Троянским конём оказалась моя новая квартира. То-то Мамонт, едва заслышав о моем снайперском прошлом, тотчас примчался на квартиру. Потому и устроила его моя убогая хата. И неспроста мне был предложен вариант, от которого я ни в коем случае не должен был отказаться.

А я-то, каков придурок! Сам же облапал, своими собственными руками ту, принесённую им винтовку, от ствола до приклада. После чего, бандит аккуратно завернул её в мешковину. Плюс ко всему прочему, накануне убийства я согласился пожить в своей бывшей квартире. Чем, наверняка, и создал у соседей полную иллюзию того, что никуда из неё вовсе не выезжал. Эх!.. Да, разве ж упомнишь сейчас, где ещё я успел накосячить!

Мне и в голову не могло прийти, что все это время меня, со знанием дела, словно волка по красным флажкам планомерно и умело загоняли в заранее подготовленную западню. Причём она была мне уготована ещё тогда, в самое первое наше знакомство с Мамонтом и Ильёй.

Что же касается ментов. Как-то подозрительно быстро, они на меня вышли.

Опираясь на официальную информацию, замочили того бедолагу около шести утра. А примерно в восемь тридцать они уже были в моем офисе, с договором купли-продажи на руках и отпечатками моих же пальцев. Похоже, что и здесь вовсе не обошлось без помощи все тех же братков. Ведь это Илья, в самых мельчайших подробностях расспрашивал меня, где я работаю и что у меня за бизнес!..»

Всё произошедшее было настолько внезапным и неожиданным, что мой разум не мог (чисто физически) ни усвоить, ни переварить суть и смысл, навалившейся на меня проблемы.

Как сторонний наблюдатель, равнодушно наблюдающий за уходящим в туман теплоходом, я созерцал проплывающие мимо меня события. Незнакомые лица, кабинеты, коридоры, машины с проблесковыми огнями. Все это вдруг смешалось в однородную серую массу под названием: конец всему...

Меня завели в кабинет с обшарпанными стенами, тремя письменными столами, древним шкафом. После чего, усадили на табурет, стоявший по самому центру данного, непрезентабельного и навевавшего тоску помещения.

В своём служебном кабинете майор Сирота (как, впрочем, и двое его коллег) вёл себя значительно увереннее и наглей, нежели в моем офисе.

– Если помнишь, то я просил тебя хорошенько подумать о снайперской винтовке?.. – словно продолжая прерванный ранее разговор, майор приступил непосредственно к допросу.

– Не пойму, о чем это вы?..

Признаться, я вовсе не знал, как мне следует себя вести. Потому и выбрал самую простую тактику: ни с чем не соглашаться и не под чем не подписываться. То есть, я тупо предпочёл «включать» того самого «дурака», о котором ранее упомянул один из милиционеров.

– Значит, по-хорошему, мы общаться, вовсе не желаем? Мы тут решили повыёб... Что ж, добре! Будет тебе по-плохому!.. – опустив свои руки в карманы брюк, Сирота прошёлся по кабинету и остановился у зарешеченного окна. Затем, не оборачиваясь в мою сторону, он продолжил. – ...Однако в начале, я попробую посвятить тебя в те самые расклады, которые сложились у нас на данную минуту. На все, про все, то есть, на полное раскрытие данного преступления у нас с тобой лишь трое суток. Скажу сразу о том, что устроит меня лишь один исход нашего предстоящего с тобой продолжительного общения. А именно, твое чистосердечное признание.

Как говорится: либо я выйду из этого кабинета с твоей «чистухой», либо снесут тебя отсюда в морг. В самом лучшем случае, ты останешься тяжёлым инвалидом, неспособным ни есть, ни говорить. Посему, тебе и самому должно быть понятно, каким образом и при помощи каких методов я намерен выбить из тебя вышеозначенное признание. И уж поверь мне на слово: при любом раскладе, а я своего добьюсь.

– Без адвоката, ни на какие вопросы я вам отвечать не собираюсь! – я принялся цепляться за последние соломинки.

– Когда будет официальный допрос, тогда и будет у тебя защитник! – процедил сквозь зубы Сирота.

– А сейчас?.. Разве это не допрос? – удивился я.

– Наш предстоящий разговор, ты можешь считать простым общением в несколько неформальной обстановке!.. – усмехнулся в ответ Сирота. – ...В некотором роде, беседой по душам без какого-либо протокола. Или банальным наставлением тебя на путь истинный. Ведь не станешь же ты спорить с тем, что каждый из нас желает помочь и себе, и общему делу. Не так ли?

– Так-то оно так!.. – я был вынужден согласиться. – ...Однако вначале мне хотелось бы услышать: в чем именно меня обвиняют? И главное, на основании чего?

– Ну, хорошо! Давай попробуем, по порядку!.. – Сирота по-прежнему старался выглядеть спокойным и уравновешенным. И это, пока что ему неплохо удавалось. – ...Итак! Сегодня, в шесть утра убивают директора завода. Без двадцати семь баллистики определяют место, откуда производились выстрелы. Около семи часов утра в твоей квартире находят снайперскую винтовку. По материалам домоуправления и свидетельским показаниям окружения, к половине восьмого мы вычисляем хозяина данной хаты. То есть, тебя! Прибавим к вышеозначенному ещё и показания твоей соседки с первого этажа. Упомянутая мной женщина готова хоть на библии поклясться в том, что в последнее время ты вёл наблюдение за передвижением гражданских лиц и транспортных средств, следовавших через проходную завода.

Чуть позже нам стало известно ещё и о том, что совсем недавно ты приобрёл некую недвижимую вещь. Кстати, вовсе не дешёвую. Спрашивается: на какие шиши? Быть может, на свои мизерные доходы, которые ты указываешь в своих налоговых декларациях? Или то был аванс от «заказчика»?

Внезапно дверь отворилась, и в кабинет вошёл уже знакомый мне Жорик.

– Ну? Чего успели нарыть? – прервав свой монолог, Сирота тотчас переключился на вошедшего.

– В ходе обыска квартиры по улице Вокзальной... Короче, в жилых комнатах подозреваемого обнаружены две коробки патрон к снайперской винтовке, две гранаты и пистолет «ТТ». В личных бумагах мы обнаружили документы, свидетельствующие о том, что последний проходил контрактную службу в Чечне. Майор, ты не поверишь!.. Оказывается, он был там снайпером! От себя же могу добавить следующее. Когда мы с понятыми вошли в квартиру, в одной из комнат был обнаружен включённый телевизор. Между прочим, там транслировался 12-й канал. Именно в его эфире, каждые полчаса и передаются экстренные выпуски новостей. А этот, сука!.. – Жора ткнул своим пальцем в мою сторону. – ... Утверждал, будто бы ничего об убийстве не слышал.

– Жорик, ты не горячись!.. – с удовлетворённым видом, майор притормозил подчинённого. – ... Вполне возможно, что наш друг, действительно, не видел выпусков новостей. Ну, сам посуди. Когда ж ему было их смотреть? Убив директора завода, он попытался обеспечить себе железное алиби. Мол, всю ночь и все утро был он дома, в своей новой квартире. Шум телевизора создавал иллюзию присутствия в квартире людей. Даже могу предположить и то, что он заранее обзавёлся каким-либо нейтральным, либо полностью независимым свидетелем. Предположим проституткой, которая с пеной у рта будет утверждать, будто бы проторчала в его постели до семи или девяти часов утра. Вернуться ж в квартиру, дабы отключить телевизор, подозреваемый, так и не рискнул. Побоялся, что возле дома его мог запросто заметить кто-то из посторонних. Потому, он напрямик и отправился в свой офис, где мы его благополучно и повязали. Вот такой, Жорик, у него был расклад!.. – Сирота ещё раз прошёлся по кабинету. Вполне довольный своим логичным умозаключением, он обратился уже ко мне. – ... Что, солдат?.. Отвоевался?

– Для меня война уж давно кончилась! – ответил я, едва сдерживая эмоции.

– Чего же тогда вновь за оружие взялся? Руки зачесались или в жопе засвербело?.. – не дождавшись ответа, Сирота обратился ко мне чересчур официально. – ... Олег Владимирович, не поясните ли нам: где, когда и на каких воинских должностях вы проходили срочную, либо контрактную службу?

– С 1997-го по 2003 год, в должности стрелка-снайпера отдельной мотострелковой роты. Служил на Северном Кавказе.

– Где именно? Кавказ большой!

– В Грозном и в окрестностях Ведено!

– Если я правильно тебя понял, ты воевал?

– Конечно!

– И награды правительственные, наверняка имеешь?

– Медаль «За отвагу» и орден «За личное мужество»!

– Могу ли я, из всего вышесказанного, сделать вывод о том, что ты отлично стреляешь?

– Не жаловались...

– Это очень хорошо!

– Что вы имеете в виду, под словом «хорошо»? – поинтересовался я.

– Лишь то, что в нашей армии был высококлассный специалист по имени Олег Кузнецов, и не более!.. – майор продолжал подленько улыбаться. – ... Ну-с, дружище!.. Ты и сейчас не понимаешь, в чем тебя обвиняют? Фактов и улик против тебя, целый воз и маленькая

тележка, на десяток уголовных дел хватит! И все же, учитывая твой боевой опыт и заслуги перед Отечеством, я предоставлю тебе шанс самому повиниться. Дабы облегчить наказание и избежать никому не нужные многочасовые и изнурительные допросы с пристрастием. Вот тебе лист бумаги. Вот авторучка. Уж поверь мне: на суде, оно тебе зачтётся.

«И как же складно, они все обставили. Комар носа не подточит!.. – я мысленно порадовался за ловкость и оборотистость своих противников. – ...Против данного железобетонного и предельно аргументированного обвинения вовсе не попрёшь! Какой-то поганец уколошил директора, а Сирота, используя все предоставленные ему факты, сажает меня за решётку. И, похоже, вовсе неспроста он напомнил мне сейчас о проститутке... Ну, конечно! Она так же должна была стать неким звеном в логической цепочке, подготовленной мамонтовскими хлопцами.

По расчётам всё тех же бандитов, привезённая Ильёй шалава, скорее всего, должна была задержаться в моей квартире именно до семи утра. И я, просто обязан был зацепиться за неё, как за единственного свидетеля, который и мог бы подтвердить моё алиби. Ну, а уже во время следствия, проститутке предписывалось окончательно меня утопить, сообщив о том, что ушла она от меня не в семь, а часиков, этак, в пять! Могла она сказать ещё и о том, что я обещал ей деньги, если та солжёт на суде о своём действительном времени ухода. При этом и Илья весьма предусмотрительно перестраховался, попросив меня самого перезвонить ему, если вдруг что-то пойдёт ни так. Да и гранаты с патронами в мою квартиру наверняка подбросил именно он. Или нет!.. Данные предметы, скорее всего, подбросили именно менты. Если бы это сделал Илья, Надька, непрерывно присматривающая за моей хатой, наверняка бы о том доложила.

Именно Надька, по своей потусторонней наивности обварив проститутку, невольно спутала все их планы. Потому и я, вопреки всякой логике, не стал бить себя пятаком в грудь, мол, есть у меня свидетель. Хотя Сирота весьма настойчиво подталкивал меня к данной зацепке.

Впрочем... Так или иначе, с признанием проститутки или без него – один хрен, они упекут меня в кутузку. Им, действительно, необходимо быстрое раскрытие. И моё чистосердечное признание в значительной степени ускорит данный процесс. А раз так, то данной возможности я им уж точно не предоставлю. Пусть потрудятся, попотеют над доказательной базой. Авось и мне, нежданно-негаданно перепадёт какая-то удача!..»

– Гражданин майор!.. – я обратился к Сироте. – ...По-моему, в ваших обвинениях имеются кое-какие недочёты. К примеру, вы так и не «откатали» мои пальцы. При этом берётесь утверждать, будто бы на снайперской винтовке обнаружены именно мои отпечатки. С чем вы их сравнивали? Отчего такая уверенность, будто бы оставил их именно я, а не кто-то иной?

– Ага! Значит от снайперской винтовки, мы уже не отказываемся?.. – рассмеялся майор. Невзирая на показную весёлость, я все же различил в голосе Сироты нотки лёгкой паники. Однако очень скоро он взял себя в руки и быстро нашёлся с ответом. – ...Извини, но кроме твоих отпечатков, разбросанных по всей хате, никаких иных там попросту обнаружено не было. А сравнивали мы их с идентичными отпечатками, взятыми в твоём рабочем кабинете. Ну, доволен?.. Теперь будешь писать «чистуху»?

– Повторюсь, без адвоката ничего подписывать и уж тем более в чём-то сознаваться я не собираюсь! – для наглядности я сбросил чистый лист, положенный передо мной, на пол.

– Умным себя считаешь, или попросту любишь смотреть американские детективы?.. – наблюдая за тем, как брошенный листок парашютирует вниз, майор заскрежетал зубами. – ... Что ж!.. Давай поиграем в копов. Жорж, будь другом, зачитай нашему гостю его права.

Тот, к которому обратился Сирота, стоял у меня за спиной. Потому и не видел я, чем именно саданул меня этот бугай: то ли кулаком, то ли ногой. Уверен я был лишь в том, что мощнейший удар, сбивший меня с табурета, пришёлся мне точно в правое ухо.

– У тебя, сука, есть право утереться!.. Подняться на ноги и отвечать «да», на все вопросы майора!.. – надо мной навис вышеозначенный Жорик. – ...Вот и всё, паскуда, что может быть тебе здесь позволено!

– Ну, так как? Будешь писать «чистуху»? – повторил свой вопрос Сирота, когда меня вновь усадили на табурет.

– Нет! – ответил я коротко.

И тотчас, под дикий смех ментов находившихся на ту минуту в кабинете, я поймал очередной удар Жорика, как две капли воды схожий с первым. Надо полагать, приём этот был у него отработан до автоматизма и демонстрировался он здесь с регулярным постоянством. Потому и ожидали его сотрудники убойного отдела с нескрываемым азартом.

– Для особо тупых и упёртых, повторяю!.. – вновь наклонившись надо мной, заорал Жора. – ...У тебя есть право утереться, подняться и, утвердительно отвечать на все вопросы нашего командира!..

А вот в третий раз, уже наученный горьким опытом, сказав своё «нет», я успел-таки увернуться от очередного удара костолома. Чем окончательно вывел из себя: как Жорика, так и его сослуживцев. Все они накинулись на меня, как стая шакалов набрасывается на раненого и беззащитного льва, проявляя при этом особую (если не сказать изысканную) ненависть и жестокость.

Считаю излишним посвящать читателя в подробности тех экзекуций и откровенных пыток с использованием клещей, электрического тока и раскалённых предметов, коими в течение последующего дня издевались надо мной сотрудники убойного отдела. Могу лишь констатировать то, что, по моему сугубо субъективному мнению, гестаповская методика выбивания показаний вполне могла быть адекватной изобретательности и рвению наших доморощенных служителей правопорядка...

Глава 3

«Сотни рыцарей Храма покрыли славой и себя, и орден в многочисленных битвах. Подсчитано, что за время крестовых походов двадцать тысяч рыцарей-тамплиеров пало на полях сражений. Храмовники блестяще выполняли и другую важную военную миссию – защиту крепостей...»

В 1146 году, на белом плаще тамплиеров появляется красный крест с раздвоенными «лапчатыми» концами. Во втором крестовом походе рыцари Храма участвуют именно под этим знаменитым и прославленным знаком. Крест из алой материи, расположенный слева, над сердцем, станет для них «щитом, дабы не обратились они в бегство перед неверными». Впрочем, рыцари никогда не бежали и всегда показывали себя достойными своей репутации; гордыми до смерти, храбрыми до безумства, удивительно дисциплинированными, не находящими себе равных среди всех армий мира. Тамплиеру разрешалось отступить лишь в том случае, если число нападающих становилось трёхкратным. Попав в плен, тамплиер не должен был просить ни пощады, ни выкупа.

Боевым знаменем рыцарей Храма был прославленный Босеан – чёрно-белое полотнище с вышитым на нём девизом «Не нам, не нам, но имени Твоему». Происхождение этого тамплиерского символа до конца не ясно. Скорее всего, по первоначальному замыслу данные цвета отражали боевое построение тамплиеров при конной атаке на врага: первую атакующую линию составляли тяжелооруженные рыцари с белыми плащами поверх доспехов, во второй линии наступали оруженосцы в чёрном одеянии. Однако очень скоро в Босеане стали видеть другую символику – Света и Тьмы, находящиеся в непрерывной борьбе. Подобное религиозное учение уходит далеко вглубь веков. Мы не знаем, были ли тамплиеры сторонниками этого дуа-

листического мировоззрения, но впоследствии именно это двухцветное знамя позволит противникам ордена Храма обвинить Христовых братьев в манихейской ереси...

То было вовсе не пробуждение. Выход из состояния сна оказался сравним с постепенным и тягостным возвращением сознания в окружавшую меня жуткую реальность. Каждое, даже самое лёгкое движение, причиняло мне адскую боль, и я вновь погружался в беспомощность. Плохо соображая, я вовсе не мог дать себе отчёта в том, как долго прибываю в этом пограничном, между реальностью и глубоким бредом состоянии. Мне, вообще, было трудно понять, где в данный момент я находился и, уж тем более, каким образом сюда попал. Каждый раз, пытаясь открыть глаза или, преодолевая боль приподняться и осмотреться, наступало некое помутнение, и я тотчас проваливался в небытие с бесконечно скомканной лентой из эпизодических и сумбурных всплесков: то ли своих, то ли чужих воспоминаний.

– Где я?.. Меня кто-нибудь слышит?.. – простонал я, обращаясь в никуда.

– Ты, мил человек, у ворот Царствия Небесного!.. – ответил мне кто-то. – ...Ну, а я Святой Пётр. В руках моих ключи от рая. Правда, я вовсе не знаю, стоит ли мне открывать тебе ту заветную дверцу. Быть может ты, раб Божий, хочешь в чем-то покаяться? В чем-то напоследок исповедаться... А может, ты желаешь передать кому-то из друзей или близких некую весточку? Так ты не стесняйся. Последняя воля покойного, в натуре, исполняется... То есть, в обязательном порядке будет выполнена.

Быстро сообразив, что я вовсе не одинок, мне пришлось изыскать в себе некие резервы сил, чтобы приподнять-таки пудовые веки и пристально взглянуть в окружавшую меня темноту. Помещение, в котором я ныне находился, было похоже на вагонное купе. По крайней мере, выглядело оно таким же маленьким и тесным, с двухъярусными расположенными друг напротив друга: ни то полками, ни то кроватями, а быть может и тюремными нарами.

В ночном свете, едва пробивавшемся через узкое зарешеченное оконце, на противоположной от меня полке-лавке я различил чей-то сгорбленный и худосочный силуэт. По очертаниям он весьма напомнил мне чёрта.

– Какой же ты, мля, «святой»?.. – с трудом усмехнувшись, я почувствовал нарастающую и ноющую боль в челюстно-лицевых костях. – ...Ты, скорее бес!

– Вот тут, ты абсолютно прав! Как говорить: попал в самую точку. Меня, действительно бесом кличут. А находишься ты сейчас в следственном изоляторе. И судя по тому, как отделали тебя эти грёбанные «мусора», выйдешь ты на свободу, ох, как не скоро...

Уголовник Бес (в миру Лобов Герман Степанович) большую часть своей пятидесятилетней жизни провёл в лагерях и тюрьмах. Повидал он на своём веку всякое. Бывало, что конвоиры до смерти забивали особо борзых зарвавшихся зеков. Были случаи когда пьяные вертухаи, сапогами и всем, что подвернётся им под руку, безжалостно молотили случайно-попавшего на глаза арестанта. Били так, от нечего делать, остальным для острастки. Но, чтобы менты не просто избивали, а с особым цинизмом калечили подследственного, применяя к тому наиболее изуверские истязания – с подобным Бес столкнулся впервые. На бедолагу, принесённого в камеру ещё позавчерашним вечером и как мешок картошки бесцеремонно брошенного на нары, ему было страшно смотреть.

Кстати, о том, что в течение двух последних суток я находился в полной отключке, я узнаю уже позже. Все это время Бес непрерывно слышал мои стоны и бессвязные бормотания. И лишь изредка, на очень короткое время, я полностью замолкал. В эти минуты мой сокамерник чувствовал некоторое облегчение. Ему казалось, что я, наконец-то отмучившись, умер и никогда более не подам признаков жизни. На то у Лобова был свой резон. Однако через пару мгновений я вновь начинал тяжело дышать и постанывать.

Самым интересным было то, что Бес не мог (даже приблизительно) определить мой возраст. С одинаковой долей вероятности, Герман мог дать мне и двадцать, и сорок, и даже шесть-

десять лет. Настолько моё лицо было изуродовано и обезображено припухлостями и многочисленными кровоподтёками. И только мой голос, мои впервые за двое суток произнесённые слова, подсказали Лобову, что его сокамерник достаточно молод.

– За что ж тебя так? – поинтересовался Бес.

– Послал всех на хер! – кое-как сумел выдать из себя я.

– Смело. Смело, но глупо. С ментами нужно поласковой. Покажи им, что ты простак; что уважаешь их власть, и боишься её. А посему, готов для них на все. Изобрази глупое лицо, отвечай отвлечённо или аккуратно переведи разговор на иную тему. Играй с ними. Однако делай вид, будто бы, это они... То есть, менты играют с тобой. Понимаю, что сложно и с первого раза может вовсе не получиться, однако без этих хитростей тут никак. Как величать-то тебя, мил человек?

– Олег!

– И все же, Олег!.. За что попал сюда?

– Ни за что!

– Все именно так и попадают. А что тебе «клеят»?

– Убийство!

– Извини, что я не видел твоего нормального лица. Меж тем, сдаётся мне, что на «мокрушника» ты вовсе не тянешь. Уж этого брата на своём веку я повидал в достатке. Глаза у них какие-то тёмные и мутные. Базар чуть тормозной, забыченный...

– По-видимому, те менты, что меня допрашивали, в глаза подследственных не особо смотрят. Похоже, они действуют по какой-то иной, своей методе!.. – иронично предположил я.

– Какая там, к едрени-фени «метода»? Тут сплошняком топорные подставы. Нахватают людей, да побольше. Повышибают из них все возможное и невозможное. Глядишь, и попадётся им тот, кто нужен. Но это редко срабатывает. В основном, на этом этапе ломаются откровенные слабаки и прочее ссыкло. А далее, вся надежда у ментов на ссученных. Кто-то, где-то опрометчиво брякнул своим боталом... Другой, это услышал. Полученную информацию переварил своими куриными мозгами, вычислил для себя мизерную выгоду и помчался шепнуть на ухо тому, кто в данных сведениях заинтересован. Так наш брат и погорает.

Ну, а язык распускается, как правило, по пьяной лавочке или с бабой. Они самые: водка и бляди всему виной. Если ж ты грамотный и с малолетства учёный фраер... Если не прищучили тебя по горячим следам... Если следишь ты за своим языком; знаешь с правильными людьми; живёшь по понятиям... Уж будь уверен в том, что ты спокойно сможешь загорать и дышать приморским тёплым воздухом. Вместо тебя в зону пойдёт какой-нибудь Ваня-лох, на которого легавые и спишут всех собак.

– Похоже, что этим самым Ваней, именно меня нынче и назначили! – отметил я с явным прискорбием.

– Коли так... Тебе, фраерок, вовсе не позавидуешь. В конце концов, они своего добьются. Тебя сломают или просто-напросто сгноят в камере. Так что, Олег, готовься к самому худшему. А, впрочем, шибко не отчаивайся. Полстраны сидит в лагерях и ничего, привыкают.

Эх, кореш-кореш!.. Что ж ты позволил им, так над собой поизмываться? Взял бы, да и подписал, чего мусорки требовали. Потому как, никогда не поздно отказаться от своих же показаний. Мол, извините, граждане судьи, оговорил себя под оказанным на меня давлением. А здоровье... Так его, брат, беречь сейчас нужно. Оно тебе обязательно понадобится и на этапе, и на зоне. Тебе, мил человек, только предстоит утверждаться в новом, совсем ином мире, живущем по волчьим законам. Тебе имя своё придется отстаивать, чтоб всю свою жизнь, не быть таким как я, Бесом. То есть, голью перекатной, без роду, без племени; принеси-подай...

Именно сейчас, Герман был, как никогда честен. Ему было искренне жаль сокамерника. И не только потому, что попал тот под молох российской следственно-дознательной машины, не знающей ни жалости, ни сострадания. Глядя сейчас на молодого сокамерника, Бес невольно

вспоминал себя, двадцати-тридцати летнего, отчаянного и авантюрного юношу. Когда все казалось возможным, когда все тебе по плечу. Когда мелкие ссадины и синяки, просто не замечаются; а крупные рваные раны заживают сами по себе, как на кошке. И, тем не менее, ни за что на свете он не согласился бы, оказаться сейчас на месте соседа по нарам. Конечно, вновь стать молодым ему очень хотелось. А вот быть этим несчастным, с более чем predetermined и недолгой судьбой, уж вы увольте... В чём-чём, а в том, что век паренька-соседа будет короче его собственного, уголовник был просто уверен. И на это, у него имедись весьма и весьма веские причины.

С лёгким сожалением припоминая свои первые ходки, Бес вдруг уловил какой-то странный звук. Нет, он его не услышал. Скорее, уголовник почувствовал его всем своим телом. Некие низкочастотные колебания, вовсе не восприимчивые человеческим ухом, все продолжали и продолжали нарастать. Словно где-то в земной толще, начались определённые подвижки, грозившие перерасти в толчки крупномасштабного землетрясения.

Рецидивиста вдруг охватила непонятная паника. Ему, человеку тёмному и малообразованному, даже показалось, будто бы наступает конец света с глобальными катастрофами и эпидемиями, об угрозе которого в последнее время так часто писали и говорили в средствах массовой информации.

– Фраерок! Ты, случаем, ничего не слышишь? Или, быть может, ты что-то чувствуешь? – судорожно вцепившись в спинку кровати, дрожащим голосом поинтересовался Бес.

– Нет!.. – спокойно ответил я. Однако чуть поднапряг свои органы чувств, добавил. – ...Хотя постой... Кое-что я, кажется, улавливаю. Как будто бы самолёт взлетает. Или тележку без рессор по коридору катят.

– Какая тележка, в три часа ночи? В это время все переходы, давно под замком!.. – тревожный и незнакомый звук, успел довести Беса до иступления. – ...И не самолёт это!.. Тут нечто иное. Я бы, даже сказал: что-то внеземное.

Панические настроения рецидивиста, очень скоро перекинулись и на меня, а непонятный гул все нарастал и нарастал. Мозги мои словно зашевелились и меня начало даже подташнивать. За голову схватился и Бес.

И тут, в одно мгновение, вдруг всё затихло. Осталась лишь гробовая тишина и мы, на пару с уголовником. Почти минуту каждый из нас прибывал в некоем оцепенении. Сейчас мы опасались ни то, чтобы словом, случайным шорохом нарушить состояние нынешнего зыбкого равновесия. В конце концов, мы медленно и осторожно повернули головы, дабы переглянуться в немом вопросе: что ж это всё-таки было?

Тут-то дверь нашей камеры громыхнула с такой силой, что все металлическое, находившееся внутри камеры затряслось, завибрировало и зазвенело.

Я вздрогнул и машинально зажмурился, ожидая некоего продолжения с громом, с молниями. Или ещё чего-то в том же роде.

И вновь зависла звенящая тишина. Лишь лёгкое дуновение сквозь настезь открытую дверь нашей камеры. Да-да, путь на свободу был открыт, однако никто из нас покидать камеру вовсе не спешил.

Первым зашевелился Бес. Осторожно разжав пальцы, он медленно отцепился от спинки кровати. Все ещё дрожащими руками, Герман достал из-под матраца припасённую на чёрный день папироску и, наклонившись над зажжённой спичкой, с удовольствием её раскурил. Когда он поднял голову, то затрясся всем телом от вновь накатившего на него ужаса. Прямо перед собой Лобов вдруг увидел зависшее в воздухе размытое облачко, светившееся голубоватым цветом.

Этот неизвестной природы сгусток бурлил и разрастался прямо на его глазах. Постепенно он приобрёл и некую форму с чётко очерченным контуром, наполнившись непонятной материальной сутью. Вряд ли, кто-либо из земных существ мог бы созерцать подобную метаморфозу

без содрогания и учащённого пульса. В конце концов, неоднородная субстанция сформировалась в стройное женское тело. Буквально из ничего, из тюремного воздуха возникла девушка. Как обычный человек она могла поднять руку, пошевелить пальцами, повернуть голову, легко и свободно переместиться по камере.

«Да ведь это ведьма!.. – мелькнуло в голове Беса. Забившись в угол, на всякий случай, он ещё и зажал свой рот ладонью, дабы случайно не вскрикнуть или не издать какой-либо иной звук при созерцании той жути. – ...И на хрена, спрашивается, я повёлся на обещание ментов, подписавшись на эту чёртову авантюру!..»

Вновь приоткрыв глаза, я вдруг увидел её, Марту. Она стояла сейчас посреди камеры.

– Ты здесь?..

Сказать о том, что я был удивлён, все равно, что ничего не сказать. Забыв на какое-то время о всякой боли, я попытался немедленно встать. Однако тотчас рухнул на нары.

– Тише-тише!.. Сейчас тебе не нужно делать резких движений!.. – прошептала она и положила свою руку мне на грудь. – ...Что же с тобой сделали эти варвары? Точнее было бы сказать: эти нелюди. Ну, ничего, потерпи ещё чуть-чуть. Сейчас я попытаюсь забрать твои страдания.

Я чувствовал, как Марта водит по моему телу своей холодной рукой. В очагах наивысшей концентрации болевых ощущений, её прикосновения становились более лёгкими и аккуратными. И мне, действительно, становилось всё легче и легче. Я уже мог самостоятельно встать на ноги и добраться до «параши», дабы наконец-то справиться нужду.

– Барышня, вы не могли бы и меня заодно подлечить?.. – потеряв всякий страх, Бес покинул своё «убежище». Возникшую паузу он предпочёл использовать с пользой для самого себя. – ...В последнее время меня правый бок отчего-то беспокоит!

– Роббер, так ты здесь вовсе не один?.. – Марта обернулась к уголовнику и уставилась на того своим пристальным взглядом. – ...Посмотрим, кто у нас тут! Ах, да!.. Герман Лобов. Уголовная кличка Бес. Тот самый Герман, бессмысленно и бездарно разменявший всю свою жизнь на тюремные коридоры. Лобов, который докуривал чужие бычки, шестерил, стучал, сдавал и подставлял своих же сокамерников.

Роббер, небось, это чмо бравировало своими ходками; да пальцы гнуло, типа, век воли не видать. Ну, ничего. Недолго ему осталось, почём зря земной воздух портить.

– Бес, она мысли твои читает! – пояснил я, возвращаясь на шконку.

– Ну, а бок твой болит по вполне известной причине!.. – продолжала Марта. – ...Внутренности свои, ты чифирём и водкой загубил. Причём, болезнь твоя предельно запущена. Процессы, происходящие в твоём организме, уже необратимы. Повторюсь: коптить этот мир тебе осталось совсем недолго.

– Неужели?.. – усмехнулся зек. Очевидно, моё пояснение немного его обнадёжило. Потому и задал он свой очередной вопрос, как-то чересчур игриво. – ...Может, гражданка, вам известна и дата моей смерти?

– Конечно! – без тени сомнений, ответила Марта. Будто речь шла о завтрашней погоде.

– И к какому ж числу я представлюсь? – похоже, Бес поймал настоящий кураж. Он продолжал и продолжал засыпать «ночное видение» чрезвычайно скользкими вопросами.

– А тебе это надо? – вопросом на вопрос, ответила Марта.

– Ещё как надо! – наострив уши, уголовник приготовился услышать разгадку тайны всей своей жизни. Ведь, по большей части, человеку не суждено знать, когда настанет его роковой час. Свою последнюю трагическую минуту он всеми силами пытается оттянуть, старается хоть как-то предугадать и обмануть свою судьбу (как правило, безрезультатно). Потому и получается, что живет человек не ради счастья или каких-то высших целей, а лишь для того, чтобы узнать именно тот, уготованный ему день.

– Что ж, слушай! И имей в виду, что ты сам на это напросился!.. – Марта по-прежнему была спокойна и безучастна. – ...Примерно через месяц, тебя крепко прихватит. С диагнозом цирроз печени, ты будешь госпитализирован в БСМП. А к майским праздникам, тебя похоронят на юго-западном кладбище! Могу добавить ещё и то, что после своей смерти, ты превратишься в самого обыкновенного чёрта. То есть, твоя нынешняя тюремная кличка, в определённой степени, станет пророческой. Ну, доволен?

После столь удручающего прогноза, Герман осунулся и молча вернулся на свои нары.

– Ты что ж, можешь заглянуть и в моё будущее? – я попытался хоть на немного разрядить гнетущую в камере обстановку.

– Пожалуйста!.. – как и прежде, запросто согласилась Марта. – ...С тобой и вовсе все просто. Уже завтра из тебя «выбьют» необходимые признания. Вечером того же дня рецидивист по кличке Бес!.. – при этом, приведение кивнуло в сторону моего сокамерника. – ...Накинет на твою шею удавку. Сейчас она припрятана у него под матрасом. Надеюсь, ты не станешь спорить с тем, что в переполненном следственном изоляторе, именно для вас была освобождена отдельная камера. Твое убийство будет обставлено так, словно раскаявшийся убийца, дав следствию чистосердечные признания, предпочёл добровольно уйти из жизни.

– То есть, ты хочешь сказать, будто бы, в моем распоряжении мене суток?.. – задумавшись, я почесал затылок. – ...Ну, а если им так и не удастся из меня что-либо выбить, если я им ничего не подпишу?

– Разве ты, до сих пор не понял, что твоя участь уже давно predetermined. Ни сегодня, так завтра; ни завтра, так послезавтра они своего добьются. Твою смерть можно лишь отсрочить... Да, и то, на весьма короткий период. В то время как избежать её вовсе не в твоих силах. Изменить ход неизбежных событий, может лишь Бог!.. – выдержав продолжительную паузу, дама продолжила. – ...К счастью, я придумала, чем можно тебе помочь!..

Едва успев произнести последнюю фразу, Марта вновь перевоплотилась в голубоватое облачко и бесследно исчезла. На прощанье, она ещё раз громыхнула закрывшейся за ней дверью. И вновь на какое-то время в камере зависла гнетущая тишина. Каждый из нас размышлял о недавних пророчествах и своём ближайшем будущем. И если для меня Марта оставила хоть какую-то надежду, то для Беса, слова её прозвучали, как окончательный приговор.

– Послушай, фраерок! На сколь этой ведьме можно верить? – тихо поинтересовался уголовник.

– Тот же вопрос я могу задать и тебе! – вспомнив об удавке, я пристально глянул в глаза Бесу.

– Чего ж, теперь таиться. Имеется за мной подобный грешок!.. – зрачки рецидивиста непрерывно забегали в поисках точки приложения. Он понимал, что врать и юлить было абсолютно бессмысленно. А посмотреть в глаза своей потенциальной жертве у него, очевидно, не хватало духа. – ...Мусора-суки, свободой меня купили. Чтоб им самим сдохнуть. Да только ты, фраерок, не переживай... Я тебя не трону. Завтра же пойду в отказ.

– Откажешься ты, в мою камеру посадят кого-то другого!.. – ответил я, тяжело вздохнув. – ...Желающих выйти на свободу раньше положенного срока найдётся предостаточно. Ты, Бес, шибко не переживай. Может и не так все и безнадежно. Возможно, она это сказала сгоряча или просто пошутила. По крайней мере, однажды я уже «повёлся» на её откровенную ложь.

Глава 4

Быть может и считается, что утро вечера мудренее, вот только мне от этой народной мудрости, нынче было вовсе не легче. Потому как началось оно, это самое утро, с выкрика сонного надзирателя.

– Эй, грёбанный киллер!.. Подъем, и живо на выход. У тебя свидание с адвокатом. Приперся, понимаешь, ни свет тебе, ни заря...

Невзирая на то, что у меня по-прежнему ныло все тело и мне приходилось прилагать невероятные усилия для любого, пусть и самого элементарного движения – я встал, довольно-таки быстро. Ведь новость об адвокате была нынче весьма и весьма обнадеживающей. Наконец-то, у меня появится хоть какой-то защитник. То есть, тот, которому я смогу довериться или излить душу. Он непременно разберётся в возникшем (мягко говоря) недоразумении, связанном с моим нелепым арестом.

«Будем надеяться, что именно он и избавит меня от здешнего произвола. Чем чёрт не шутит. Быть может, на сей раз мне улыбнётся удача в виде опытного, дотошного и отлично разбирающегося в юридических тонкостях специалиста!»

Через длиннющий зарешеченный лабиринт с множеством дверей, переходов и поворотов, надзиратель отконвоировал меня в отдельную: ни то комнату, ни то камеру с двумя табуретами и одним простеньким столом.

Там-то и ожидал меня высокий мужчина лет пятидесяти.

Сразу хотелось бы оговориться о том, что до сей поры мне ни разу не приходилось в живую сталкиваться с действительным членом гильдии адвокатов. Для меня, как законопослушного гражданина (коим я всегда был, и по сей день являюсь) эти самые профессии были вовсе ни к чему. Потому и имел я о внешнем облике заступников несколько поверхностное представление.

Тем не менее, в моем сознании выработался определённый портрет. По моему мнению, юридический защитник относился к мелким судебным клеркам и мало чем отличался от нас, обычных граждан. Скромная одежда, возможно свитерок, джинсы или старенький, несколько мешковатый и давно не встречавшийся с утюгом тёмный костюмчик. Адвокат в сибирском городке, так и вовсе представлялся мне достаточно заурядным мужчиной, средних лет, со слегка измученным и уставшим лицом. Под мышкой у данного мужичка, обязательно должен быть потрёпанный, выдавший виды портфельчик, битком набитый различными бумагами, в которых он и сам с трудом находил тот или иной документ. В редких случаях, это могла быть полноватая и несколько истеричная, чуть взбалмошная барышня...

Мне непременно казалось, что это лишь где-то там, в Москве или Питере дорогостоящие адвокаты, участвующие в громких и шумных процессах, люди публичные. Потому и выглядят они соответствующе, едва ли не как кинозвезды. Да, и гонорары у них, уж точно, не соизмеримы с периферийными. А теперь представьте, каково было моё удивление, когда я, оказавшись в тюремной комнате для свиданий, вдруг столкнулся с совершенно иным типажом.

Передо мной ныне стоял с ног до головы лощёный субъект, с ненавязчивым отблеском бриллиантовых вкраплений. Одетый с иголочки, будто не ранее чем час назад он подбирал свой нынешний гардероб в одном из престижнейших модных домов. При этом мужчина (похоже, уверенный в себе до самоуверенности) буквально источал вокруг себя аромат дорогого одеколona, и едва уловимый запах «баксов». Короче, он стоил весьма и весьма дорого. Даже лицо его мне, как будто бы показалось несколько знакомым. Очевидно, эта самая физиономия частенько мелькала в общероссийских новостях и скандальных хрониках, потому и стала она достаточно узнаваемой. Именно такого, «сверх навороченного» адвоката я вдруг встретил в облупленных стенах нашего самого заурядного омского следственного изолятора. Честно сказать, в ту минуту мне было не по себе. Я даже подумал о том, что конвоир ошибся камерой, в которую меня следовало доставить. А после, вспомнив о том, что и дело-то моё не такое уж и «тихое», принялся в ещё большей степени путаться во всевозможных догадках. К примеру, в какую кругленькую сумму мне может вылиться данная VIP-защита? Смогу ли я хоть когда-то её оси-

лить? И вообще, какой идиот, мне его подсунул? Не стоит ли сразу, то есть, прямо сейчас отказаться от неподъёмных услуг?..

– Ну, здравствуй, воин-бродяга, неужённая душа!.. – совсем уж по-свойски начал разговор тот единственный мужчина, находившийся ныне в кабинете. – ...Да ты не тушуйся. Присаживайся. Если хочешь, можешь закурить... – при этом на стол тотчас упала пачка «Marlboro». – ...Будем знакомиться. Зовут меня Виталий Зиновьевич. Как ты, наверное, и сам понял, я должен буду представлять, и отстаивать твои интересы, как в судебном процессе, так и во время следствия.

Хотелось бы сразу оговориться о том, что особого желания участвовать в этом, шитом белыми ниткам и дурно пахнущим деле, я вовсе не испытывал. У меня и без тебя дел не-проворот. Да, и позиция защиты в данном конкретном случае, видится мне полностью бесперспективной...

– Но ведь меня просто-напросто подставили! – возмутился я, прервав адвоката.

– И что с того? О том, что тебя подставили, знает половина вашего города. В крайнем случае, эта самая половина, безусловно, о том догадывается. Простые люди, с которыми я уже успел пообщаться, в открытую говорили мне о том, что правоохранительные органы нашли первого, попавшегося под руку козла отпущения. А также о том, что рано или поздно, они сгноят тебя в этих казематах.

– Кто это «они»? – поинтересовался я у Виталия Зиновьевича.

– Ты вчера, что ли родился?.. – усмехнулся мой нынешний собеседник. – ...Сам не догадываешься? Все войны и конфликты, убийства и предательства совершаются исключительно из корысти и желания обогатиться за чужой счёт. В твоём же, конкретном деле на кон был поставлен, ни больше, ни меньше, а одно из самых крупных промышленных предприятий сибирского региона. Тракторный завод. Первые лица вашего региона... Или попросту, имеющие силу и вес хапуги. Все они желают урвать жирный кусок от некогда общего народного пирога. Когда убивают москвича-директора, вовсе не трудно догадаться, кто является заказчиком данного преступления. В общем, парень, плохи твои дела...

– Признаться, я думал вы здесь, исключительно ради того, чтобы оправдать невинного человека. То есть, меня!.. – мне ничего не оставалось, кроме как тяжело вздохнуть и опустить руки. – ...А оказалось, вы прибыли сюда, по совсем иному вопросу.

– Так ведь я и говорю о том, что не было у меня никакого желания отправляться в ваши края, однако пришлось. Не смог, понимаешь, устоять перед слёзными мольбами о помощи...

– Постойте!.. – моему возмущению не было предела.– ...Но я никого не умолял!

– Речь сейчас идёт вовсе не о тебе. За тебя просили другие... – адвокат прошёлся из угла в угол, и словно беседуя сам с собой, задумчиво произнёс на латыни. –...Non fallere et ego non fallitur! Похоже, это действительно так. Не обманула и не ошиблась!.. – после чего, Виталий Зиновьевич вдруг обернулся ко мне с совсем уж неожиданным вопросом. – ...Кстати, ты не в курсе, гитлеровцы или бойцы Красной Армии... Быть может, кто-то ещё сумел-таки отыскать балтийские сокровища?

– Не понял!.. – я глянул на адвоката с удивлением и некоторой настороженностью. – ...А причём здесь «гитлеровцы»? О каких сокровищах вы, вообще, меня спрашиваете?

Мало того, что Виталий Зиновьевич фактически признался в нежелании заниматься моей защитой; попрекнул меня в отрыве от его более важных занятий; так теперь он и вовсе понёс полную ахинею о каких-то там «гитлеровцах и красноармейцах». Мужик вроде видный, а с головой нелады.

– Извини! Это я о своём немного задумался!.. – будто услышав мои мысли, тотчас поправился собеседник. – ...Устал я после утомительной дороги. Да, ещё и эта адаптация к новой для себя действительности. Итак. На чем мы с тобой остановились? Ах да, вспомнил!.. – адвокат уперся кулаками в стол. При этом на его безымянном пальце левой руки блеснул мас-

сивный золотой перстень в форме кошачьей морды, инкрустированной мелкими бриллиантовыми камешками. Наклонившись надо мной, он продолжил говорить уже полужёпотом. – ... Не стану скрывать того, что поначалу мне очень хотелось пободаться с местной коррумпированной и продажной Фемидой. Уж мы бы с тобой в проигрыше, точно, не остались. Однако поразмыслив, все же решил не ввязываться в этот долгий, утомительный и совсем не справедливый (прежде всего, с моей стороны) процесс.

– То есть, вы окончательно решили отказаться от моей защиты? – быстро сообразив, что никакого сотрудничества с чересчур «занятым» Виталием Зиновьевичем у нас не получится, мне захотелось побыстрее закончить пустой треп.

– Ты вновь неправильно меня понял. Зачем ввязываться в долгосрочную тяжбу, если её можно вовсе избежать? Сейчас ты подпишешь один договорчик, после чего, мы навсегда покинем стены данного тошнотворного заведения!.. – он пододвинул ко мне чистый лист. – ... Поставь снизу свой автограф.

– И не подумаю! Какой же это, к чертям собачьим, договор? На вашем «фиговом листочке» отсутствует текст, который мне следует завизировать. Ну, и кроме того, я не вижу смысла о чем-либо договариваться (да, ещё и в письменной форме) с человеком, который никоим образом не желает поучаствовать в моей судьбе!

И тут меня вдруг посетила довольно-таки неожиданная мысль.

«Что если всё, ныне меня окружающее – и эта убогая комната, и адвокат, и табурет, на котором я ныне сижу – всё это, не более чем спектакль! Постановка, устроенная сотрудниками изолятора ради получения моей, так необходимой им подписи!..»

– Сынок, ни в том ты нынче положении, чтоб артачиться!.. – чуть наклонившись, адвокат дружески похлопал меня по плечу. – ...Участие в следственных мероприятиях и защита обвиняемого – это вовсе не одно и то же. Потому, как и защищать можно по-разному. Кому-то достаточно сочувствия и доброго слова. В каких-то случаях, действительно, следует вступить в ожесточённую схватку и возможно набить кому-то морду. А бывает и так, что подзащитного достаточно просто вывести из-под удара более сильного противника. Чем, собственно, я и намерен нынче заняться. Однако, для осуществления вышеозначенных планов, мне необходима самая малость. Твоя подпись под нашим договором о взаимном сотрудничестве...

То ли его уверенный голос, то ли его искреннее обращение: «сынок» – в общем, мне отчего-то хотелось ему верить.

– Где гарантии того, что я подпишу именно договор?.. – поинтересовался я с нескрываемой обречённостью. – ...Что данная бумага впоследствии не станет моим смертным приговором? И, вообще, с какой стати я должен вам верить? По сути, я впервые вас вижу. Свои документы вы мне не предъявляли, я даже не знаю вашей фамилии. С тем же успехом можно переодеть в белый халат надзирателя, оставшегося сейчас за дверью, после чего, выдать его за моего лечащего врача.

– Ошибаешься, дружок!.. – с хитрецей в голосе улыбнулся адвокат. – ...Ни у одного из здешних конвоиров, не может быть такого перстня!.. – Виталий Зиновьевич поднёс к моему лицу, сжатую в кулак левую руку с тем самым массивным «болтом». Мне даже показалась, что кошачья морда на том самом перстне, слегка прижмурилась и улыбнулась. – ...А, кроме того... Ни один конвоир, как и не один сотрудник правоохранительных органов или ещё кто-либо, не скажет тебе о том, что о твоей защите хлопотала именно Марта!

И ведь, действительно. Никто из ныне живущих на Земле, зная о Марте просто не мог. Разве что Бес, который видел её прошлой ночью. Однако даже этот зек не мог знать её имени. Да если б и знал... Из камеры он, один чёрт, не отлучался. Ни с кем, кроме меня, за прошедшие пять-шесть часов он вовсе не общался. И всё же главным, если не сказать наиглавнейшим аргументом в пользу подписания чистого листа, для меня оставалось обещание Марты помочь

мне в самом ближайшем будущем. Похоже, именно этот адвокат и стал первым шагом на предстоящем пути моего освобождения.

– Эх, была, ни была!.. – я предпочёл рискнуть. В данной, вовсе непростой ситуации, рассчитывать я мог лишь на некое чудо, на нечто сверхъестественное. Именно таковой, мне и представлялась сейчас Марта. Только на её поддержку мне и оставалось нынче уповать. – ... Давайте авторучку, я готов подписать ваш пустой договор!

– Э-э, нет! Какая «ручка», какие «чернила»? Данный документ подписывается исключительно кровью!

Рядом с чистым листом бумаги, тотчас легло лезвие опасной бритвы.

«Кровью, так кровью!» – в ту минуту в моей голове не возникло и малейшего сомнения по поводу столь экзотичного визирования документа. А может, и возникло. Скорей всего, кое о чем я, конечно же, догадывался. Однако было мне тогда, абсолютно пофиг. Главное, чтоб я мог поскорее покинуть это жуткое заведение.

После того, как с горем пополам, я нацарапал свой автограф на белом поле листа, на нём вдруг проявился весьма странный текст.

«Преклонение, за избавление.

Подчинение и покаяние на все времена.

Ни мне, ни ему, все имени Твоему.

Небытие и забвение, как высшая кара».

Просто и лаконично. Никаких вам давно набивших оскомину обязательных фраз, наподобие: «мы, нижеподписавшиеся» или «права и обязанности сторон». Никаких «форс-мажоров» и юридических адресов. Не было тут и утомительного перечисления условий, растянутых на пятьдесят-семьдесят пунктов и стольких же мелких подпунктов. Все было предельно кратко и почти понятно. Почти...

Так и не успев в полной мере налюбоваться столь минимизированным документом, как та бумага с подписанным договором вдруг потемнела. Прямо на моих глазах она принялась превращаться в пепел, рассыпаясь на бесконечное множество светло-серых пылинок...

Глава 5

Начальник следственного изолятора полковник Караулов прибыл на место своей службы, как никогда рано, в половине девятого утра. Столь раннее начало трудового дня было обусловлено несколько неординарным для его заведения событием. Нынешним утром, стены изолятора «грозились» посетить, ни кто-нибудь, а сам генерал Усачёв Александр Геннадьевич, руководитель областного УВД. Потому ещё с вечера, в подведомственном Караулову СИЗО и был наведён тщательный «марафет».

Фёдор Михайлович Караулов слегка нервничал. А как иначе? Наивысший, по региональным меркам, милицейский главнокомандующий навещался в его угрюмое заведение не так уж и часто, и вовсе не из праздного любопытства. На данный момент, поводом для его визита в следственный изолятор, скорее всего, являлся личный контроль над ходом расследования резонансного убийства директора Тракторного завода. Все предельно просто и вполне естественно. Москва торопит Усачёва. Тот, в свою очередь, подгоняет своих подчинённых.

«Так оно и есть! Все торопят всех, а этот сучёнок!.. – усаживаясь в своё рабочее кресло, принялся размышлять Караулов. – ...Имею в виду главного подозреваемого. Именно он, как назло, молчит уже третьи сутки к ряду, путая нам все карты. И ребята из «управы», и мои собственные надзиратели бьются с ним практически без перерыва. А он, падлюка, невзирая на все наши усилия, вовсе не думает признаваться.

Ко всем прочим неприятностям, едва не прибавилась и ещё одна... Этот долбаный Кузнецов, чуть было «кони» свои не «отбросил». В камеру его унесли едва тёпленького...

Не спору, ребята несколько перестарались с пристрастным допросом. Однако каков подлец сам подозреваемый. Своей внезапной смертью, он едва ли не завалил долгую и кропотливую работу десятка следователей и оперов. Умри он вчера в тюремном блоке, и пришлось бы начинать всё с самого начала. По сути, с «нового подозреваемого». Ведь для умиротворения общественности, необходимо предъявить убийцу, конкретного исполнителя, давшего чистосердечное признание в совершённом злодействе!..»

Караулов глянул на свои наручные часы. Без четверти девять. До приезда генерала он наверняка успеет принять рапорт дежурного, узнать о ночных происшествиях. Кроме того, Фёдор Михайлович намеревался лично осмотреть кое-какие помещения изолятора, дабы уже самому убедиться в том, что в подведомственном ему учреждении, действительно, все в порядке.

Однако ничего из ранее намеченного он сделать так и не успел.

Входная дверь его кабинета неожиданно отварила, и в служебные апартаменты начальника СИЗО вошёл Александр Геннадьевич Усачёв, при полном генеральском параде. Оказалось, что и «главнокомандующие» могут просыпаться чересчур рано. От неожиданности Караулов засуетился. Он заметался между желанием всыпать подчинённым, за то, что не предупредили и стремлением броситься навстречу столь дорогому гостю.

– Ну, здравствуй, Фёдор Михайлович!.. – опередил его Усачёв. – ...Рассказывай, как живёшь? Как здоровье? На пенсию не собираешься?

– Да вроде бы, ещё рановато!.. – заслышав о пенсии, начальник СИЗО тотчас понял, на что именно намекает Александр Геннадьевич, потому и ответил он весьма уклончиво.

– Рано, так рано!.. – как-то нехорошо улыбнулся генерал. – ...В таком случае, чем собираешься меня порадовать? Не иначе как наш киллер разговорился?

– Особого повода для радости пока нет!.. – поёжился Караулов. – ...Молчит сука, как рыба об лёд. Человечка своего к нему подсадил. Да, только все бес толку. Ничего, гад, не желает подписывать!

– А ты говоришь: дескать, на пенсию рано! Коль затянем мы с этим делом, так и всем нам впору будет подумать о дачных домиках, домашних тапочках и воспитании внуков. Не забывай о том, что данное убийство на личном контроле у самого Президента!.. – выдержав короткую паузу, Усачёв ударил кулаком по столу. – ...Ладно. Надеюсь на то, что в самое ближайшее время все уладится. Ты давай, веди сюда своего «молчуна». Так уж и быть, заберу я от тебя твою трёхдневную головную боль. Сами что-нибудь попытаемся придумать.

– То есть, ты собираешься забрать Кузнецова? – «командир» СИЗО в удивлении вскинул на генерала брови.

– Так и есть! Или у тебя имеются какие-то возражения?

– Александр Геннадьевич, я чего-то не понял!.. – Караулов прибывал в полном недоумении. Такого случая, чтоб сам начальник УВД, лично забирал арестанта из следственного изолятора, в его многолетней практике ещё не было.

– Да, чего тут понимать? Выводи убийцу из камеры и тащи его сюда!.. – рявкнул Усачёв. – ...Коль третьи сутки молчит, значит, следует применить к нему более радикальные методы.

– А как же документы?.. – заёрзал на месте Караулов.

– Нет у меня времени на всякого рода формальности. Подготовишь нужные бумаги, после чего, пришлешь их с нарочным... Или ты мне не доверяешь?

– Конечно, доверяю! Но Александр Геннадьевич!.. Ты б все же черкнул, хоть какую расписку!.. – Караулов засуетился в поисках чистого листа бумаги. – ...А то, мало ли что...

– Зад свой желаешь той бумаженцией прикрыть?.. – усмехнулся в ответ Усачёв. – ...Ну, что ж!.. Давай авторучку, трус несчастный!

– Так ведь, сам знаешь, Александр Геннадьевич!.. В нашей жизни всякое бывает!.. – оправдываясь, начальник СИЗО пододвинул к старшему по званию спешно найденный лист и авторучку. – ... От вас жалости не дождёшься! А если подохнет у вас подследственный? Предположим, при транспортировке. Или, не дай-то Бог, не осилит он ваших «более радикальных методов»? Именно вы, с превеликим удовольствием, прикроете уже свой зад моими погонами. Не так ли, товарищ генерал?..

Сопроводив начальника УВД в компании с подследственным до самой машины, Караулов вернулся в свой кабинет. Что-то непонятное сейчас творилось в его душе. С одной стороны, он легко отделался от тяжелой обузы, грозившей перерасти в потерю собственной репутации, своего статуса. А с другой... После беседы с Усачёвым, у полковника остался нехороший осадок, связанный с непонятной настороженностью, какой-то недосказанностью и неопределённостью. Слишком откровенными были последние намёки генерала. Однако и это было нынче не главным. В гораздо большей степени, Караулова беспокоили какие-то внутренние, очень сомнительные предчувствия. Где-то в глубине его подсознания сейчас копился непонятный страх. Именно он, очень медленно разъедал былую уверенность Караулова. Причём, полковник никак не мог понять и объяснить реальную причину его возникновения. Потому как всё, абсолютно всё ныне с ним происходящее, было странным и каким-то неестественным. Вот почему тревога и тотальная паника нарастали в нём все сильнее и сильнее.

Уставившись в одну точку на противоположной стене, полковник пытался успокоить свою, не на шутку, разгулявшуюся нервную систему. Фёдор Михайлович даже принялся подумывать о расслабляющей рюмашке коньячка, припрятанного в сейфе... Как дверь его кабинета вдруг отворилась. На пороге вновь стоял Усачёв.

– Ну, здравствуй, Фёдор Михайлович!.. – опередил его Усачёв. – ...Рассказывай, как живёшь? Как здоровье? На пенсию не собираешься?

– Да вроде бы, ещё рановато!.. – вновь заслышав о пенсии, на спине начальника СИЗО проступил холодный пот.

– Рано, так рано!.. – как-то нехорошо улыбнулся генерал. – ...В таком случае, чем собираешься меня порадовать? Не иначе как наш киллер разговорился?

– Особого повода для радости пока нет!.. – ничего не понимая, Караулов попытался припомнить свой прежний ответ. – ...Молчит сука, как рыба об лёд!.. Человечка своего к нему подсадил. Да, только все бес толку. Ничего, гад, не желает подписывать!

– А ты говоришь: дескать, на пенсию рано. Коль затянем мы с этим делом, так и всем нам впору будет подумать о дачных домиках, домашних тапочках и воспитании внуков. Не забывай о том, что данное убийство на личном контроле у самого Президента. Потому бросай все свои дела и занимайся исключительно Кузнецовым!

На сей раз Караулова охватила уже не паника, а самый настоящий ужас.

«Да что ж этому козлу ещё от меня надо? С какой стати он, вообще, вернулся? Собрался добить меня? Решил окончательно расшатать мои нервы? Ну, давай-давай! Вот только и я не лыком шит. И на всякого рода провокации вовсе не поддамся!..»

– Извиняйте, товарищ генерал!.. – Фёдор Михайлович старался быть сдержан. – ... Но ваш вопрос, вовсе не по адресу!.. Скорее, это мне следует поинтересоваться, о разговорчивости уже вашего подследственного.

– Фёдор, ты чего это мелешь?.. – Усачёв пристально глянул в глаза Караулова. – ...С чего это вдруг я должен отвечать за твоих узников?

– Да ведь ты, Саша, пятью минутами ранее сам его и забрал!.. – не выдержав напряжения, выкрикнул Караулов.

– Полковник, ты в своём ли уме?.. – в том же тоне гаркнул на Караулова Александр Геннадьевич. – ...С чего ради, я бы его забирал? Да, и куда ты прикажешь мне его везти? В свой служебный кабинет?

– Одну минуту!.. – начальник СИЗО с трудом пытался разобраться в абсурдности, сложившейся ныне ситуации. Лишь одно ему было абсолютно ясно: кто-то из них двоих, был сейчас не в ладах со своей головой. И чтоб доказать своё благоразумие, Караулов вынул из ящика письменного стола, припасённый для подобного случая рукописный документ. – ...Вот, это твоя расписка! Расписка в том, что всю ответственность за подследственного Кузнецова, ты берёшь на себя. Можешь ознакомиться.

Генерал не мог понять, в чем «прикол», плакать ему сейчас или смеяться. Но для начала он все ж глянул в переданный ему лист. Перечитал то, что было в нём написано.

– Никак с перепоя, ты эту херню нацарапал? – Александр Геннадьевич свой бросил испепеляющий взгляд на Круглова. Тот потупил свой взор и, уже сам пробежался по написанному.

Усачёв, сука!

Оставь мальчишку в покое. Ведь ты и сам знаешь, что он тут не причём. Займись настоящим убийцей. Его имя: Илья Горбач. Любые попытки тронуть Кузнецова будут жестоко пресекаться. И помни главное, дважды я не предупреждаю.

Магистр

– А кто такой, этот Горбач? – принимая поражение, Караулов попытался хоть что-то сказать в своё оправдание.

Лицо Фёдора Михайловича было сейчас пепельного цвета. Скулы его, казалось, были готовы ринуться в пляс против воли хозяина.

– Федя! Неужели ты, в самом деле, просрал убийцу? Скажи, что это не так!.. Будь другом, признайся. Ведь ты сейчас пошутил?.. – растерявшийся генерал, в буквальном смысле, умолял Караулова. Он был готов даже упасть перед ним на колени, лишь бы тот вселил в него хоть какую-то надежду.

Однако в ответ, полковник лишь отрицательно покачал головой. Он усиленно припоминал подробности случившегося. В его памяти зафиксировалась странная машина, отъехавшая от крыльца СИЗО с псевдо генералом и подозреваемым. Странная, потому как была это выдавшая виды белая «Победа» с легко запоминающимися цифрами на старом госномере: «99-99»...

Глава 6

Признаться, я был в полном недоумении от тех фантастических событий, которые произошли со мной сразу после подписания договора с адвокатом. Поначалу, меня вернули в камеру. Однако спустя четверть часа, вновь пригласили на выход. На сей раз, уже с вещами.

Не поверите, но сам начальник СИЗО (тот самый, что пару раз лично принимал участие в моих изуверских допросах) вдруг вышел из своего служебного кабинета, дабы проводить нас с Виталием Зиновьевичем до автомобиля. На прощание он дружески пожал руку адвокату и отпустил в мой адрес что-то вроде благожелательного напутствия. Мол, не переживай: побои и переломы заживут на мне, как на кошке.

Чуть позже, Виталий Зиновьевич пояснил причину моего внезапного освобождения. Правда, сделал он это с некоторой неохотой. Дескать, дал он следователю крупную взятку. И, якобы, тот изменил мне меру пресечения на подписку о не выезде. На мой осторожный вопрос, в какую сумму вылилась та взятка, Виталий Зиновьевич усмехнулся: мол, не бери в голову, после сочтёмся. Да, собственно сейчас это было не столь важно. Главное, что мы разместились

в салоне старенькой «Победы», поджидавшей нас у самого крыльца и помчались прочь от этого Богом проклятого изолятора.

Генерал Усачёв вернулся в Управление абсолютно опустошённым.

О побеге подозреваемого в убийстве директора завода ему, конечно же, следовало немедленно сообщить в Москву. Однако, вопреки вышеозначенной субординации, Александр Геннадьевич предпочёл взять двухчасовой тайм-аут, дабы своими собственными силами попытаться выправить ситуацию. И лишь в случае полного провала тех, поспешно принятых оперативно-розыскных мероприятий, рапортовать о случившемся ЧП в столицу. Ну, и заодно потихоньку начинать готовиться к своей вынужденной отставке.

В срочном порядке по городу был объявлен план «Перехват». Каждые десять минут, доклады по розыску автомобиля «Победа» поступали непосредственно в кабинет начальника областного УВД. О том распорядился сам Александр Геннадьевич. И, кажется, вот оно, долгожданное...

– Товарищ генерал! Только что, дежурный одного из патрульно-постовых нарядов сообщил о том, что на пересечении улиц Масленникова и Богдана Хмельницкого, тремя минутами ранее было зафиксировано передвижение объявленной в розыск автомашины с госномером: 99–99 ОМК. За данным автомобилем установлено скрытое наблюдение, так же определено его примерное направление движения.

– Спасибо!.. – облегчённо вздохнул Усачёв. – ...Задействуйте все силы и средства для последующего задержания данного транспортного средства. Учитывая то обстоятельство, что в салоне автомобиля находятся особо опасные преступники, разрешаю открыть огонь на поражение. Хотя, нет... Отбой. Преступники мне нужны живыми. О любых изменениях в проведении операции, либо иных непредвиденных обстоятельствах докладывать немедленно!

При прочих обстоятельствах, Александр Геннадьевич вряд ли уделил какой-либо иной операции столь пристальное внимание. А если б и уделил, то уж давно посчитал бы задержание Кузнецова фактически завершённым. Потому как её окончание, по сути, было лишь делом техники и выучки оперсостава. Однако данный случай был для генерала особым, и если хотите, то совершенно неординарным. Потому и требовал Усачёв от своих подчинённых едва ли не ежеминутных отчётов.

Ну, а как иначе? Ведь в следственном изоляторе абсолютно все (от рядового конвоира, до лиц офицерского состава) в один голос утверждали, будто бы подследственного за территорию СИЗО вывел именно он, Усачёв. А после, дескать, он вновь вернулся в изолятор, но уже без Кузнецова. Кроме всего прочего, по словам всё тех же сотрудников СИЗО, сегодняшним утром с подозреваемым, якобы, встречался его адвокат.

Дежурному офицеру изолятора, тот защитник как будто бы представил какие-то документы, а также разрешительные письма, заверенные высокими милицейскими чинами. Как позже выяснилось, вышеозначенный адвокат, каким-то невероятным образом, не оставил после себя никаких записей и отметок в дежурном журнале. Причём, покинул он здание изолятора ещё до того, как туда прибыл «двойник» Усачёва.

«Что, вообще, это могло быть?.. Мистика, массовое помешательство или некий хитроумный гипноз? А быть может, у злоумышленников имелся свой человек среди служебного персонала. Данный подельник, наверняка, и помог Кузнецову с побегом. А после, воспользовавшись разгильдяйством и системным бардаком, царившим в изоляторе, неким хитроумным способом запутал все следы. Ну, а в качестве оправдания перед высоким начальством и была придумана столь мистическая история. И как назло, данный неординарный случай приключился в самый ответственный и совсем неподходящий момент, когда на карту поставлено все. Ну, или почти все!..»

В любом случае Александру Геннадьевичу стоило отдать должное умному, изощрённому, достойному противнику, способному на самые непредсказуемые и неординарные манёвры. Потому и распорядился генерал о взятии «беглецов» живыми, дабы в последствие познакомиться с тем «криминальным виртуозом» лично.

Виталий Зиновьевич устроился на переднем сиденье рядом с водителем. В то время как мне пришлось потеснить двоих пассажиров сзади. Благо, «Победа» – машина вместительная и никто из нас не чувствовал себя в ней зажатым. Да, и сама обстановка, непринуждённого и лёгкого общения, вовсе не располагала для некоего брюзжания, негодования и выражения прочего недовольства по поводу каких-либо неудобств. А может мне это лишь казалось. Ведь в ту минуту я был безумно счастлив от одной лишь мысли, о своём внезапном освобождении. И мне было вовсе неважно, кто находился со мной рядом, и кого мне следовало благодарить за моё невероятное спасение.

– Куда едем? – обратился к адвокату водитель.

– Куда подальше! По городу покатаемся, немного осмотримся! Узнаем, куда попали и что здесь за люди. У нас теперь имеется свой экскурсовод. Он-то и познакомит нас с местными достопримечательностями и значными местами!.. – Виталий Зиновьевич обернулся ко мне. – ...Ведь, это так?

В знак согласия я кивнул.

– А может сразу по «значным местам»?.. – осторожно предложил один из моих попутчиков, сидевших сзади. – ...В картишки разок-другой перекинемся! Рулетку покрутим!..

– Нет, у нас намечены очень важные дела!.. – в категоричной форме возразил ему Виталий Зиновьевич и тотчас спохватился. – ...Кстати, самое время вас познакомиться.

Итак, за рулём нашего «болида», лихой и бесстрашный Аэртон. Бывший профессиональный автогонщик, многократный чемпион гран-при «Формулы-1».

– Почему «бывший»?.. – недовольно поморщился водитель. – ...Бывших автогонщиков не бывает. Автогонщик это не профессия, и не хобби. Скорей, это образ мышления или стиль существования. На крайний случай, хроническое душевное заболевание.

– Извини, дружище! Не думал, что ты так остро отреагируешь на мою реплику. Ну, хорошо. Попробуем по-иному. Сегодня и всегда, за рулём нашей сверхзвуковой торпеды, гроза автотрасс и бездорожья, единственный и непобедимый Аэртон!.. – после непродолжительных оваций адвокат поинтересовался. – ...Так, устроит?

– Как-то чересчур пафосно! Тем не менее, сойдёт!

– Олег, ныне ты сидишь рядом с Андре, великим дамским угодником! Мимо него не проскочит ни одна случайная юбка. Любая бабёнка посчитает за счастье броситься ему на шею. Уж и не знаю, чем он их берет... Да, ты сам на него глянь: ни кожи, ни рожи...

– Для того чтобы влюбить в себя женщину ни того, ни другого, иметь вовсе не обязательно!.. – задумчиво произнёс Андре. – ...Достаточно обладать нескончаемым чувством юмора, скромным обаянием и той самой притягательной харизмой, от которой дамы, действительно сходят с ума! В своё время, при помощи этих нехитрых секретов, мне и удалось соблазнить практически всех европейских принцесс, а так же, ещё не успевших состариться королевских особ!.. В половине нынешних наследников царских престолов, наверняка течёт и моя скромная кровь!

– Спорить не берусь!.. – усмехнулся Виталий Зиновьевич и, развернувшись к пассажиру, сидевшему у противоположного от меня окна (тому самому мужчине, который предлагал сразу отправиться по «значным местам»), продолжил. – ...А это наш Джеки!.. Чёрный Джек или BlackJack! Игрок, коего белый Свет не видывал. Перед тобой знаток всех видов настольных азартных единоборств. Не ошибусь, если скажу, что в его многочисленных карманах и тайниках мы запросто отыщем с дюжину краплёных колод!..

– Ошибаетесь, Магистр! В моем нынешнем положении вполне достаточно иметь лишь одну, причём, «чистую» колоду. А ведь помнится, был у меня случай, когда за одним игровым столом судьба свела меня с великими Гудини и Калиостро. Вот это, скажу я вам, было настоящее соперничество. Мы играли отнюдь не на деньги. Мы соревновались в искусстве манипуляций и грандиозного блефа. Целую ночь, продолжалась наша битва. И без ложной скромности могу констатировать, что к рассвету я умудрился-таки остаться в выигрыше!

– Как видишь, в моей коллекции присутствуют лучшие и наиболее яркие представители всех мужских страстей и пороков!.. – продолжил Виталий Зиновьевич. – ... Долгие годы я подбираю по всему миру всевозможных «узких специалистов своего профиля». Неисправимых бабников; заядлых картёжников; фанатиков скорости, высоты и глубины; уличных бойцов; ненасытных чревоугодников; отпетых мошенников; великих спортсменов. Этот список можно продолжать и продолжать до бесконечности. Кстати!.. Вместе с нами едет твой соотечественник, некто Алик Квасов. Жуткий лодырь и любитель «вмазать» на халяву!.. – заметив на моём лице удивление, Виталий Зиновьевич пояснил. – ... В салоне, можешь его не искать. Сейчас он в багажнике. От этого подлеца, так разит перегаром, что немудрено и самому опьянеть. А впрочем, его имя и фамилия, говорят сами за себя. Да и пьёт, собака, абсолютно все что горит!..

Спросишь: зачем нужна мне, вся эта «никчёмная коллекция»? Знаешь ли?.. В компании увлечённых плохишей и конченных негодяев, как-то подсознательно начинаешь чувствовать себя намного увереннее и свободней. Потому как сам я, вовсе не имею, каких бы то ни было болезненных привязанностей и патологических изъязнов...

Пока адвокат размышлял вслух о мужских грешках, об их преимуществах и недостатках, я припомнил, как один из моих попутчиков, обращаясь к Виталию Зиновьевичу, назвал того Магистром.

«Интересно, какой смысл он вкладывал в это многозначное слово? Наставник?.. Учитель?.. Какая-то учёная степень?..»

Однако придумать что-либо логичное, я так и не успел. Мои размышления отвлёк Аэртон, вдруг обратившийся к адвокату.

– Ваше Святейшество, за нами «хвост»!

– Вот твари!.. А ведь я его предупреждал!.. – выругался Виталий Зиновьевич. – ... Что ж, тем будет хуже генералу. Давай-ка, дружище, прибавь газу! Устроим гоночный заезд по центральным улицам! Аэртон, если мы сумеем вырваться из города на колёсах, я исполню любое твоё желание!..

Оглянувшись назад, я сразу заметил две милицейские «тачки», мчавшиеся вслед за нами в плотном потоке машин. Тут-то я и понял, что вовсе не было никакого освобождения. Не было ни взятки; ни подписки о не выезде. До меня, наконец-то дошло, что я совершил самый настоящий побег. Что с этой минуты судьба моя ломалась кардинально. Нет более моего бизнеса; нет жилья; нет стабильного дохода и спокойного существования. Потому как весь остаток жизни, мне предстоит провести «в бегах», на полулегальном положении. А быть может и вовсе покинуть страну по поддельным документам.

– По-моему нам следует свернуть на набережную!.. – машинально посоветовал я Аэртону. – ... Там интенсивность движения поменьше. Проще будет уйти от погони.

– Уж лучше, по дворам!.. – возразил Виталий Зиновьевич. – ... В жилых массивах открыть стрельбу они, уж точно, не решаться!

– Откроют стрельбу?!.. – со страхом и удивлением переспросил я.

– Самым лучшим, для нас для всех, будет вариант, при котором вы оба замолчите и доверите управление автомобилем мне! – выкрикнул Аэртон.

Он совершал немыслимые манёвры и внимательно следил за дорогой...

– Здравия желаю, товарищ генерал! Разрешите доложить?

Данного самого звонка Александр Геннадьевич ждал с нетерпением. Он тотчас схватил со стола ручку и придвинул к себе блокнот.

– Давай-давай!

– Итак. По указанной машине с государственным регистрационным номером: 99–99 ОМК получены следующие сведения. На учёт автомобиль был поставлен в 1956 году, и долгое время числился за совхозом «Путь Ильича», что в Тевризском районе. То есть, на Севере нашей области. Данная «Победа» являлась служебным автотранспортом директора того самого совхоза-миллионера. В 1969 году автомобиль с учёта сняли. Причина: стихийное бедствие...

– Что за чепуха? Какое, на хер, бедствие?.. – Александр Геннадьевич не сдержался, высказав своё удивление вслух. – ...Подробности не пытался выяснить?

– Обижаете, товарищ генерал! Как не выяснить? Тем более что в Тевризском РОВД, дружок мой начальником отдела служит!

– Давай короче... – недовольно буркнул Усачёв.

– История запутанная! Однако суть её в следующем. В конце 60-х, в том районе проводились геодезические работы по поиску природных ископаемых. Близ одной из деревушек пробы дали положительный результат и в том самом месте решили ставить буровую вышку. Все бы ничего, да только место для бурения было выбрано не совсем подходящее – деревенское кладбище. Труженики села, естественно, взбунтовались. Дело дошло до районного комитета партии. Директор совхоза получил тогда партийное взыскание. Ему было поручено уладить конфликт самостоятельно.

Вернулся директор в совхоз и предложил односельчанам вполне компромиссный вариант. Перенести кладбище с останками (за счёт районного бюджета) на другое место. А в придачу, каждой семье...

– Ты можешь говорить по существу? – взревел генерал.

– В общем, в первый же день эксгумации останков... Директор совхоза, лично контролировавший ход работ, возвращался домой затемно. Водила его, слегка заплутал, и машина заехала на болотистую местность. Там-то и провалилась наша «Победа» в трясину. Шофёр, парень молодой, успел-таки выскочить. А вот директора, вместе с машиной поглотила тёмная пучина. Самое интересное заключается в том, что место гибели директора, водитель так и не сумел отыскать. Местные жители говорят, будто бы это нечистая сила забрала грешного директора, покусившегося на самое святое, на могилы предков...

– Ну, хватит чушь молоть!.. – Усачёв, в очередной раз, оборвал собеседника. – ...Скажи лучше, где сейчас тот водитель? Жив ли?..

– Известно, что осудили его за разгильдяйство!.. Пять лет ему тогда дали. И назад, в своё село, он уже не вернулся. Правда, кое-кто из старожиллов утверждает, будто видел того парня... Точнее, уже не паренька, а постаревшего и поседевшего мужичка. Якобы, тот совсем недавно навещал родные края.

– А вот это, уже интересно!.. – генерал удовлетворённо потёр руки. – ...Значит машину в далёком шестьдесят девятом году, так и не нашли? Говоришь, как в воду канула. Вернее, в болото. И как только в районе появляется её бывший водитель, она тут же объявляется в городе, целая и невредимая. Весьма неслучайная закономерность, не находишь?.. Слушай, Василий! Попробуй-ка, ты что-нибудь накопать на этого «возвращенца». Где он и чем живет? На какие средства существует? Поддерживает ли хоть какие-то отношения с лицами, отбывавшими с ним срок? Короче, покопайся в архивах и побеседуй там, с кем следует!..

Не успел генерал положить трубку, как тут же дала о себе знать ещё одна «горячая» линия.

– Ну, что? Задержали? – терпение Усачёва было уже на пределе.

– Пока нет, товарищ генерал!.. – ответ с противоположной стороны связи прозвучал в несколько извиняющемся тоне.

– Не понял. Вы чего так долго возитесь?

– Преследуемая машина рискованно маневрирует!.. Постоянно меняет скорость и направление движения. Однако сейчас мы, похоже, загнали её в тупик. Кроме как на Черлакский тракт двигаться им более некуда. Все остальные пути надёжно блокированы. Надеюсь, что на стационарном посту ГИБДД мы их сумеем встретить массивным огнём!

– Эй-эй, поаккуратней там!.. Стрелять только по колёсам!.. – Усачёв поспешил урезонить подчинённого. – ...Короче, я сам к вам выезжаю. Минут через двадцать буду на месте. Вот там мы и поговорим!..

Приближаясь к стационарному посту автоинспекции, расположенному на южном выезде из города, Усачёв сразу заметил людей столпившихся у обочины. Взгляды любопытных зевак были обращены куда-то вниз, на пустырь возле кладбища. Приказав водителю остановиться, генерал покинул салон автомобиля. В придорожном воздухе витал стойкий запах пороховых газов. Значит, стреляли.

Навстречу Александру Геннадьевичу, уже спешил командир опергруппы.

– Товарищ генерал, машину мы остановили!.. Неслась, как взбесившаяся, потому и пришлось открыть огонь. После чего, преследуемый автомобиль занесло. Вылетев с трассы, он и спарашютировал в придорожный сугроб.

– Молодцы, справились! – генерал впервые за сегодняшний день улыбнулся.

– Остановить-то мы его остановили!.. Да только, какой с этого толк? При осмотре автомобиля «Победа» вдруг выяснилось, что салон её пуст!.. Ни водителя, ни пассажиров! Вообще никого!.. И никаких следов вокруг места падения. Абсолютно чистое и ровное белое поле.

– Она что ж, по-твоему?.. На автопилоте через весь город летела?.. – Усачёв кое-как сдержался, дабы не перейти на мат. – ...Насколько я понял, машина преступников непрерывно оставалась в поле вашего зрения?..

– Ну, быть может, пару раз!.. – подчинённый невольно втянул голову в плечи. – ...И то, на очень короткое время, мы все же упускали её из вида. Правда, было это ещё в черте города.

– Говори уж прямо: просрали!.. Эх, Палыч, Палыч!.. Когда косячат молодые опера, это ещё можно понять. Но как мог ты?.. Ай!.. – генерал в отчаянии махнул рукой.

– Там ещё!.. – начал было Палыч, но тут же осёкся.

– Ну, давай-давай, договаривай! Добивай своего бывшего командира!

– В багажнике «Победы» обнаружен полупьяный бомж! Сейчас его допрашивают в теплушке. И ещё!.. – собравшись с духом, продолжил командир опергруппы. – ...В общем, у преследуемого автомобиля отсутствует двигатель!

– Да ты, брат, не иначе пьян!.. – отказываясь поверить в услышанное, Усачёв округлил глаза и попытался уловить исходящий от подчинённого запах спиртного.

– Никак нет!.. – в подтверждение, подчинённый выдохнул в лицо начальника весь воздух, находившийся в его лёгких. – ...Я и сам сперва не поверил!.. Открываем капот, а там какая-то сухая трава: ни то сено, ни то солома.

– А ну, пошли!.. Покажешь!.. – генерал решительно направился в сторону слетевшего с трассы автомобиля...

Вслед за командиром опергруппы, Усачёву с трудом удавалось пробираться по едва протоптанной узкой дорожке. На самом подходе к провалившемуся в сугроб автомобилю, он чуть было не потерял равновесие. Дабы не шмякнуться и не опозориться на глазах у наблюдавшей за ними с дороги многочисленной милицейской публике, генерал поспешил опереться рукой о крышу, торчащей из снега «Победы». На ногах Александр Геннадьевич устоял, а вот рука его, словно прорвав тончайшую фольгу, продырявила насквозь проржавевшую крышу автомобиля и провалилась вовнутрь салона.

– Чёрт побери! Да она ж совсем гнилая! – чертыхнулся Усачёв, приближаясь к открытому капоту.

– Причём коррозия разъедает её с невероятной скоростью!.. – пояснил Палыч. – ...Каких-то десять минут назад она ещё имела вполне пристойный вид и неплохое состояние железа. Совсем недавно я с трудом мог открыть капот. А сейчас, будто слюда, он ломается под собственным весом. Ещё чуть-чуть и «тачка» рассыплется, превратившись в буро-жёлтый ржавый порошок. А теперь, товарищ генерал, взгляните сюда!.. – при этом подчинённый указал на то самое место, где и должен был находиться двигатель. – ...Если бы лично не гнался за этой «развалюхой», ни за что бы не поверил в то, что у неё нет двигателя. И уж тем более, она вовсе не могла развивать скорость под двести километров в час...

Мотор автомобиля (его основная движущая сила) под крышкой капота действительно отсутствовал. Кроме пожелтевших сухих стеблей камыша, да резкого и приторного болотного запаха там, вообще, ничего не было. На всякий случай генерал пошарил рукой по дну и извлёк оттуда небольшую монетку. На ней была изображена лошадь с двумя, сидящими в седле всадниками. Повертев монетку в руке, Усачёв машинально сунул её в карман, после чего обернулся к командиру опергруппы.

– Прикажи своим, ещё раз перешерстить салон! Пусть снимут сидения, режут обивку, разбирают её по винтикам!.. Короче, ни мне тебя учить. Авось найдут, какую зацепку.

– Слушаюсь!

– Чего ты там говорил по поводу, найденного в багажнике бомжа? Пойдём-ка, послушаем его историю!..

Заметив вошедшего в «теплушку» генерала, беседовавший с задержанным дознаватель, тотчас встал.

– Молчит! – доложил он, словно оправдываясь.

– Батюшки, кого я вижу!.. – развернувшись к двери и увидев Александра Геннадьевича, чумазый бродяга оживился. – ...Да, ведь это!.. Ни кто иной, как сам Усачёв! Легендарный опер Ленинского РОВД!

– Мы разве знакомы? – генерал пристально взгляделся в небритое морщинистое лицо бродяги, одетого в исключительное рваньё.

– А как же! Помнится, ты меня как-то по делу Щербатого!.. Лет двадцать тому назад колол. Упаковал ты его, Александр Геннадьевич, на большой срок. А вместе с ним по этапу пошли Каржас с Крестом. Воры авторитетные. Ну, и я, мелкая сошка, вслед за ними!..

– Как же!.. Помню я твоего Щербатого!.. – тряхнул головой генерал. – ...Коль нашлись у нас общие знакомые, так может, и потолкуем мы по-приятельски?

– Один на один! И без протокола!.. – уточнил оборванец.

– Согласен!.. – утвердительно кивнул Усачёв. Обернувшись к присутствующим, добавил. – ...Ребята, вы покурите пока на улице!

Оставшись наедине с мужичком из багажника, Александр Геннадьевич присел в свободное кресло.

– Как зовут-то тебя, лишенец?

– Аликом!

– Да, собственно, я и сам вижу, что алкаш! Однако давай мы обойдёмся нынче без всяких там кликух и прозвищ!

– Да, говорю тебе: Алик Квасов! – чуть ли не выкрикнул возмущённый бомж.

– И как ты, Алик, оказался в багажнике «Победы»?

– Сам залез! С определённого момента я, знаете ли, начал побаиваться садиться в салон легковых автомобилей! В пренеприятнейшую историю по молодости попал!.. Погиб человек. С тех самых пор и пью. С той поры, и не могу баранку автомобиля без содрогания видеть!..

– И чья ж эта «Победа», в багажник которой ты залез? – прервав лирическое отступление, генерал задал более чем конкретный вопрос.

– Так ведь это моя машина! – ничуть не смущаясь, ответил бродяга.

– А за рулём, кто сидел? – проигнорировав шутку, Усачёв продолжил гнуть свою линию.

– Всё, начальник!.. Считай, что наш разговор окончен!.. – закрыв глаза, Алик сделал вид, будто бы дремлет.

– Не понял!.. – Александр Геннадьевич выпучился на бродягу. – ...Мы ж договорились поболтать по-свойски!.. Дескать, один на один!..

– Вот так, как мы сейчас!.. – приоткрыв один глаз, Алик покосился на пустой стол. – ...«По свойски» не общаются.

– А как, по-твоему, должен выглядеть «разговор по душам»?

– Для начала, ты бы отправил своих орлов за водкой! Опохмелил бы своего старого приятеля. А уж после, спрашивал о водителе, о пассажирах. Разве, не видишь, как меня колотит? Командир, мне очень плохо. Нутро мутит и голова раскалывается.

– Хрен с тобой, золотая рыбка!..

Как ни странно, но генерал откомандировал машину к ближайшей придорожной закуской за спиртным. Сейчас Александр Геннадьевич готов был терпеть всякий каприз оборванца, исполнять любую его прихоть. Главное, чтоб тот, хоть намёком, хоть полусловом, подсказал ему кто ж на самом деле, на протяжении целого дня, дурачит и водит его за нос. Кто подкидывает ему все более и более невероятные, не укладывающиеся в человеческое понимание факты.

После того, как на столе, рядом с чистым бланком протокола, вдруг появилась только что привезённая бутылка водки, начальник УВД вновь устроился напротив полусонного бродяги.

– Ну? Теперь ты доволен?

– Считаешь, одного «пузыря» нам будет достаточно?.. – протирая глаза, с явным сомнением поинтересовался Алик. – ...Или наш разговор будет настоль коротким?

– Коль привык ты мерить своё время в выпитых литрах, стаканах или глотках, то тут все зависит от дозировки употребляемой спиртосодержащей жидкости!.. – усмехнулся Усачёв. – ...Однако в любом случае, этой «поллитровки» тебе за глаза хватит!

– Ни «тебе», а нам!.. – уточнил Квасов. – ...В одиночку я пить не собираюсь. Пока не поздно, посылай своих бойцов ещё за одной!..

– Мужик, а ты, случаем, ни чё не попутал?.. – вспылил Александр Геннадьевич. – ... Может, хватит верёвки из меня тут вить?

– Генерал, не горячись! Лучше сам раскинь своими ментовскими мозгами. Разве сможет трезвый, понять пьяного? Ведь они мыслят по-разному, потому и разговаривают на разных языках. Вполне может сложиться ощущение, будто они и вовсе представители разных миров. Вот и предлагаю я тебе, сразу уравнивать наши кондиции!

– У меня более нет сил, с тобой спорить!.. – тяжело вздохнул генерал. – ... Чёрт с тобой, наливай!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.